

Кае де Клиари

18+

Приключения Они

Кае де Клиари

Приключения Они

«ЛитРес: Самиздат»

2020

де Клиари К.

Приключения Они / К. де Клиари — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что делать девушке, у которой с рождения на голове растут козы рожки? Как быть принцессе, если она на четверть коза? Коза — квартиронка? А если ей к тому же передалась мамина способность влипать в истории? Ну, конечно же, влипнуть! И не просто влипнуть, а заставить при этом вздрогнуть целые миры, а всю родню, которая включает коз, людей и драконов, побегать за собой по измерениям и от души поволноваться.//Это сиквел «Колдовского замка». Здесь читатели, которые одолели все семь частей приключений Анджелики и её друзей, встретятся с новыми персонажами. Надеюсь, они понравятся всем, кому небезынтересно читать истории с неожиданными поворотами и смешением стилей, и доставят не меньше удовольствия чем прежние, . Старые герои тоже ведь никуда не делись, и кое-кто из них появится на этих страницах. Так что, всем кому интересно — приятного чтения! Прошу помнить, что «Они» здесь, это имя собственное, с ударением на первый слог, поэтому большая «О» в имени героини выделена жирным шрифтом.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	12
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	23
Глава 8.	25
Глава 9.	27
Глава 10.	29
Глава 11.	31
Глава 12.	34
Глава 13.	39
Глава 14.	41
Глава 15.	42
Глава 16.	43
Глава 17.	45
Глава 18.	47
Глава 19.	56
Глава 20.	58
Глава 21.	61
Глава 22.	65
Глава 23.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Кае де Клиари

Приключения Они

Глава 1.

– Ну, дядя! Ну, пожалуйста!

Они понимала, что ведёт себя «кое-как», но иного способа добиться желаемого не видела. Ей было стыдно, но это несложно скрыть. Ей было жаль этого большого, просто огромного, но такого мягкого и уступчивого человека, которого она называла дядей.

– Они Бодакула... – начал Огнеплюй, но девушка тут же перебила его, игриво обвив шею великана руками.

– Драговски-Бодакула, с вашего позволения! – проговорила Они с лукавой улыбкой, и чмокнула дядю в щетинистую щёку.

Это был запрещённый приём – откровенный шантаж, после которого Огнеплюй обычно оказывался не в состоянии ей ни в чём отказать. Однако сегодня он проявил необычную стойкость.

Ласково погладив племянницу по голове, стараясь не задеть при этом чувствительные рожки, он поцеловал её, отечески, в лобик, и, немного отстранив, взгляделся в невинные золотые глаза, на дне которых пряталась хитрость.

– И почему же из всего потомства моей Анхе, в нынешнем поколении, больше всего, её напоминаешь ты? – спросил он задумчиво, опять не ответив на просьбу девушки.

– Ну, если тебе это так не нравится!.. – притворно надулась Она, и сделала вид, что хочет слезть с колен дяди, на которые недавно забралась с бесцеремонностью кота-подлизы.

– Нравится! – широко улыбнулся Огнеплюй, и чуть напряг свои огромные ручки, не давая ей покинуть колени. – Ты знаешь, что нравится.

– Но ведь я не похожа на Анхе, – не унималась Она, чувствуя, что может сыграть на любимой струне сентиментального дядюшки.

– Твоя матушка вылитая Анхе, – заговорил Огнеплюй мечтательно, а девушка изобразила при этом на лице крайнюю заинтересованность, хоть и знала наизусть все, что он дальше скажет. – Ты не представляешь, что я почувствовал, когда увидел её в первый раз! После пяти-сот лет разлуки...

– Но ведь она тогда была в драконьем облике? – подлила масла в огонь Она.

– В облике дракона-монстра! – уточнил Огнеплюй. – Это большая разница, и ты это знаешь. Если бы её тогда увидели мои родители, не миновать нам было бы беды. По большей части я из-за этого согласился трансформировать Анджелику в человека, а не, потому что уступил её просьбе, и совсем не потому, что потакал их любви с моим братом. Что же касается того, что я узнал её в облике дракона-монстра, то здесь нет ничего удивительного. Я ведь сам был тогда в облике попугая! К тому же находился на грани смерти и только что очнулся от анабиотического сна, в котором пребывал, сам не знаю сколько лет. Короче говоря, я тогда увидел душу Анхе, а не её физическую оболочку, а душа у неё с твоей мамой общалась!

– Ну, тогда я не Анхе! – пожала плечами Она. – Ведь мама, хвала Звёздному Дракону, жива, а значит, у меня не может быть её души.

– Э, детка! – рассмеялся очеловеченный дракон. – Вопросы души не наша с тобой категория. Здесь тебе падре Микаэль мог бы рассказать больше моего, но, увы, сейчас с ним непросто побеседовать. От себя же скажу, что за столетия наблюдения за потомством моей воспитанницы, я насмотрелся разных чудес. Например, мне доводилось воспитывать двух и больше «Анхе» одновременно, и это были вовсе не сёстры-близнецы, хотя случалось и такое. Иногда,

это были мальчики, ведь пол для человека частный случай, прихоть природы. Или, скажем, двоюродные брат с сестрой, между которыми чуть меньше двадцати лет разницы. Как в этих случаях быть с рассуждениями о душе? Да, внешне ты похожа больше на своего отца, (биологического, как это ни глупо звучит), чем на маму. Но кому, как ни мне судить о том, что внутри тебя сидит моя ненаглядная пиратка! И ты, чертёнок, этим пользуешься.

Они расплылась от удовольствия, но тут же спохватилась. Она обожала, когда её называли чертёнком, хоть и знала, что не имеет к нечистой силе никакого отношения. Просто её отец – Барбарус Бодакула, был по происхождению козёл-полукровок, а дед – легендарный Рогелло Бодакула, граф и древний рыцарь из параллельного мира, населённого разумными козами, и, соответственно, козёл чистокровный!

В отличие от земных коз, эти существа ходили на задних копытах, передними пользовались, как руками, от чего они у них были необычайно развиты, обладали осмысленной речью и, по сути, являлись расой с древней историей и культурой очень напоминающей человеческую. Но физически они оставались козами и козлами. Рогелло Бодакула был гордостью и «притчей во языцех» своего народа. Его сын, Барбарус Бодакула был человеком по материнской линии, и среди людей считался чудовищем, так-как имел на голове рога, остроконечные уши, козы глаза с горизонтальными щелевидными зрачками, и копыта на ногах. Всё остальное у него было человеческое, в том числе характер, вкусы, пристрастия и наклонности.

Они от отца унаследовала бронзовый оттенок кожи, чёрные выющиеся волосы, золотые глаза, правда человеческой формы, но самое главное – рожки! Небольшие, аккуратные, чёрного цвета, блестящие и очень красивые. Чтобы их скрыть требовалась либо очень высокая причёска, либо особенная шляпка, либо мимикрийная маска. Но до сих пор Они не нуждалась в том, чтобы скрывать эту свою особенность, которой очень гордилась. Ведь именно из-за них окружающие иногда ласково называли её чертёнком, а ей это очень нравилось!

Но сейчас похвала сыграла с ней злую шутку, и она потеряла нить контроля над дядей, которого «окучивала» уже пару часов, не считая длительной подготовки к разговору, (не менее месяца!).

– Извини, детка! – улыбнулся Огнеплюй, прочитав её мысли. – То, о чём ты просишь, крайне опасно. Путешествия по пространственным измерениям, это *уже* не шутка, а по измерениям времени, тем более!

– Но ведь ты это делал, – не сдавалась Она. – Сам же рассказывал...

– Да, делал, – признался Огнеплюй. – Но это было давно. В те дни я ещё не любил людей. То есть, любил, конечно, но это была любовь, м-м, гастрономического толка. Теперь же, я не могу вмешиваться в их историю, так-как не хочу повредить ни ей, ни им. Пойми – если я научу тебя перемещению во времени, ты рискуешь разорвать событийную цепочку, а это приведёт к исчезновению и тебя, и всех твоих братьев и сестёр, и тех, кто был до вас в течение веков.

– Но ведь я только посмотреть...

– Нет, дитя! Я дал слово твоей маме, что не сделаю этого, а слово дракона...

– Знаю, знаю! – грустно проговорила Она, обижено взглянув на дядю. – Слово дракона дороже золота, ибо золото у драконов самая любимая вещь в мире.

– Рад, что ты меня понимаешь! – улыбнулся Огнеплюй и мягко ссадил девушку с колен. – А теперь, извини ещё раз, но мне пора. Передавай привет матушке и папане тоже. До встречи!

Они ещё долго задумчиво смотрела в небо, в котором растаяли крылья красного дракона, потом села прямо на землю и сердито обхватила колени руками. Он ведь почти сдался! Хотя, может быть она слишком высокого мнения о своей хитрости? Среди драконов Огнеплюй был знаменит не только своей силой, но и острым умом, коварством и свирепостью. Это с ней и всей их семьёй он был мягок и ласков, ведь они являлись потомками легендарной Анхе, почти, что сказочной принцессы, которую красный дракон получил в качестве выкупа, когда та была совсем крохой. Предполагалось, что он должен её съесть, но дракон неожиданно оставил

ребёнка в живых, как он сам потом говорил – из любопытства. Более того, он её вырастил, выкормил с помощью козы-кормилицы и воспитал из этой девочки пиратку, наводившую ужас на купцов Ганзейского союза под именем «Белой Ярости». От неё и пошёл их род, которому Огнеплый покровительствовал уже много веков. Причём, около пятисот лет он при этом провёл в образе попугая, и ещё четыреста с лишним в виде человека, прикидываясь то слугой, то другом семьи, то соседом, который как бы вообще не причём.

Самой большой сложностью для этого дракона-няньки являлось то, что с течением веков род разветвился, потомков Анхе становилось всё больше, а уследить за всеми одному стало вообще невозможно. К тому же, как ему ни хотелось уберечь их от всех бед, это было невыносимо. Нельзя же отнять у человека его судьбу, даже если она окажется несчастливой. Это то, же самое, что не давать ребёнку учиться ходить, боясь, что он упадёт и расшибётся.

Как на самом деле дядя Огнеплый справлялся с этой проблемой, Они не знала. То, что он постоянно разъезжал по свету, навещая огромное количество её родственников близких и дальних, которые сами порой не знали друг о друге, это было известно. Но при этом он ещё ухитрялся подолгу гостить в их семье, в основном для того чтобы учить детей, а иногда и родителей чему-нибудь такому, что было бы необходимо в их непростой по сравнению с обычными людьми жизни. Вот, например...

Они встала, подошла к краю скалы и сдула с себя одежду. До чего же удобно теперь стало переодеваться, когда она овладела техникой «огненной материализации предметов»! Раньше для превращения надо было раздеваться, аккуратно складывать свои вещи, увязывать их в узелок, чтобы потом подхватить и забрать с собой. Иначе после возвращения в человеческое тело рискуешь остаться голой, ведь одежду может сдуть ветром или спрячет кто-нибудь из братьев. (Глупые шутки как раз в характере мальчишек!) А если не сбросишь одежду, то от неё только клочки разлетятся во все стороны, ведь драконье тело намного больше человеческого по размеру. Да и смешно смотрелся бы дракон в платье или джинсах с кофточкой.

Они взмахнула руками вверх, а вниз уже опустились великолепные упругие крылья, которые бросили её преображённое тело навстречу ветру! Тоже дядино изобретение – мгновенная трансформация за счёт локального сжатия индивидуального времени с добавлением всё тех же плазменных технологий, позволяющих создавать и одежду, и собственное тело, как бы из ничего. Сами эти технологии подсказаны профессором Прыском, который почерпнул их основу, как это ни удивительно, у предков и родственников Они – участников авантюры с Непобедимой Армадой, некогда попавших вместе со своими галеонами в межмировую первичную плазму. Теперь они – вечные скитальцы миров, бессмертные с точки зрения людей и даже драконов, но несчастные, поскольку их существование, это не жизнь по сути. Правда профессор Прыск не оставляет надежды вычислить движение «Огненных галеонов» и помочь адмиралу Самбулю и его семье вернуться в родной мир, но пока ему это не удаётся.

Они быстро набрала высоту, пронзила пелену облаков, (бр-р, как выкупалась!), и замерла, широко расправив крылья. Она любила парить над облаками, подставляя спину горячим солнечным лучам и впитывая их энергию. Так можно было делать длительные перелёты, не чувствуя ни усталости, ни потребности во сне, игнорируя даже голод.

Впрочем, сейчас её целью было как раз – поесть. Но девушке не хотелось мяса диких быков или акулятины. (Мясо было её излюбленным лакомством и чуть ли не единственной едой с детства, но родным и близким всё же удалось доказать девочке прелесть растительной пищи.) Если не ленишься, то можно добраться до джунглей, где произрастает фантастическое изобилие самых разнообразных фруктов. Правда, местные обезьяны считают их своей собственностью, но редко кто из них решается спорить с юной драконессой, даже когда она принимает человеческую форму.

Сначала Они заглядывала в просветы облаков, как в окна, но потом ей это наскучило. Земля с большой высоты однообразна. Конечно, если бы ей понадобилось разглядеть что-то

подробнее, то благодаря драконьим глазам, которые были не хуже орлиных, можно приблизить этот предмет, независимо от того что это – кафедральный собор или мышиная норка. Но сейчас ей ничего там внизу не было интересно. Зато было над чем подумать, ловя ветер парусами крыльев.

Да, затея её не удалась. Дядя Огги отказался учить её перемещаться по времени, о чём она давно мечтала. Эх, жаль, ведь так много всего можно было узнать! Она очень хотела взглянуть собственными глазами на то, о чём читала в книгах. Никто не собирался вмешиваться в историю!

Но, с другой стороны, может быть, мама и дядя Огги правы. Разве сможет она спокойно смотреть на иерусалимское избиение младенцев? И скорее всего не удержится от того чтобы не эвакуировать жителей гибнущих Помпей и Геркуланума. Или начнёт останавливать бессмысленное кровопролитие, вмешиваться в битвы, а возможно просто слопаёт какого-нибудь диктатора-завоевателя, ведущего варварскую орду, чтобы превратить цветущие земли в пустыню, а мирных тружеников в рабов.

Вот папа её целиком поддерживал, но он-то как раз первым бросился бы эвакуировать Помпеи. Да, папа...

Они была уже взрослой девушкой. Ну, почти. Восемнадцать лет ей исполнится очень скоро, но до тех пор она считается подростком. (Ха! Можно подумать, что в день восемнадцатилетия у неё вырастет что-то особенное, чего нет сейчас. Нет, она останется точно такой же, но получит право называться совершеннолетней. Скорее бы!..)

Но о взрослой жизни Они кое-что знала уже сейчас. Впрочем, от неё никогда не скрывали, что её «настоящим» отцом, как и половины её младших братьев и сестёр, является не белый дракон по имени Драгис, в человеческом облики – Драгис Драговски, а капитан Барбарус Бодакула, получеловек-полукозёл по происхождению, который, впрочем, считал себя человеком, и не любил свои козлиные свойства. Однако в детстве она не придавала этому никакого значения, но теперь...

Теперь ей всё рассказали подробно, как девушке готовящейся стать взрослой. «Огненная страсть» – удивительное явление свойственное драконам. Заключается оно в том, что драконы-соперники разных полов, которые в битве долго не могут одолеть друг друга, вдруг начинают чувствовать вместо ненависти влечение. Причём, влечение это абсолютно необоримо, и препятствовать ему опасно. Когда случается нечто подобное, то драконьи семьи не размениваются на пустую ревность, а «отдают долг». Это означает, что связь возникает не только между теми, кого охватила «Огненная страсть», а ещё и между членами их семей. Поэтому не только в семье Они есть дети капитана Барбаруса, но и в семье последнего немало отпрысков Драгиса Драговски. Точнее, намного больше, так-как у капитана, как у истинного козла, две жены. Нда.

Для Они в этой истории осталось много неясного. Во-первых, мама её не была драконессой по рождению. Анджелика Соболева, потомок рода Самбульо, который так старательно взращивал дракон Огнеплюй, была стопроцентным человеком, а драконьи свойства приобрела в результате эксперимента сэра Арахнуса, супруга штопальщицы межмировых дыр, паучихи Унги. Сэр Арахнус накормил Анджелику смесью драконьего яда и своего собственного, чтобы излечить от смертельной простуды, которую она подхватила во время полёта между мирами. Правда, потом она едва не умерла от этого лекарства, не предназначенного для человеческого тела. Но девушку спасли профессор Прыск – учёный в теле крысы, и Мэгги – старшая сестра Драгиса и младшая Огнеплюя, зелёная драконесса обожавшая науку и медицину в частности.

Но если Анджелика переняла драконьи свойства в результате метаморфоз судьбы, то капитан Барбарус не обладал ими ни в коей мере. Зато он по праву мог гордиться неукротимым козлиным темпераментом, так что это уравнило шансы.

Врагами с мамой они были давно, ещё с тех пор, как капитан служил Великому Инквизитору, а Анджелику, девушку, заблудившуюся между мирами, считали ведьмой. Но потом всё

изменилось, между соперниками возникла «Огненная страсть», а первым её результатом была **Они**. Позже появились и другие братья и сёстры.

И всё же **Они** не понимала. Ведь мама и папа, (она называла папой Драгиса, который вырастил её, как родную, не делая разницы между детьми), они же так любят друг друга! Правда, дядя Огги объяснял, что нельзя путать «Огненную страсть» с любовью, что два этих понятия способны сосуществовать, и что «Огненная страсть» в отличие от истинной любви, проходит. Насчёт мамы его прогноз был оптимистичен – не пройдёт и двухсот лет, как всё у неё с этой страстью закончится. Ага, совсем чуть-чуть! По драконьим меркам действительно немного, а вот по человеческим далеко зашкаливает за продолжительность жизни. Но тот же Огнеплюй утверждал, что Анджелика теперь не должна себя оценивать чисто с человеческой точки зрения. Скорее всего, срок её жизни теперь тоже драконий, а это тысячелетия, а частенько даже десятки и сотни тысячелетий, ведь драконы живут и стареют не так, как люди, и периоды жизни у них распределяются иначе. Кроме того, после каждой трансформации их тела теперь обновляются, и для них не подходят даже обычные драконьи мерки. Ничего не доказано, но есть мнение, что их семья обрела своего рода бессмертие, так что двести лет не срок.

Глава 2.

Крылатая тень накрыла задумавшуюся в полёте девушку. Кто это? В этом мире больше не было драконов, кроме членов её семьи. Дядя Огнеплую позаботился о том, чтобы родственники со стороны папы их не беспокоили. Кто их знает, как эти чистокровные драконы отнесутся к полукровкам и новообращённым? Вопрос слишком сложный и щекотливый, а потому требует времени. Исключение делалось для самого Огнеплюя и тёти Мэгги, которая, впрочем, давно уже пребывала в человеческом теле, жила обычной жизнью с мужем и детьми, и даже когда приезжала в гости, очень редко принимала драконий облик.

Они сощурилась, вглядываясь в нависшей над ней силуэт. Против солнца было плохо видно, но всё же она разглядела неподвижно замершие белые крылья. Это что, папа или кто-нибудь из братьев? Странно...

Девушка помотала головой – в глазах замелькали тёмные пятна. Нет, это точно не кто-то из младших – силуэт слишком большой. Значит папа? Не похоже. Что могло бы заставить его лететь, не двигая крыльями? Не уснул же он в полёте? Вообще ни на кого не похоже, и почему этот дракон держит крылья так напряжённо, растопылив в стороны и вытянув на всю длину? Так даже дядя Огги не делает, когда спит в воздухе. Неужели ему так удобно планировать?

Зачем гадать, когда можно просто подлететь и спросить, в чём дело? Они «встала на крыло», сделала крутой вираж и поднялась чуть выше, оказавшись на одной высоте с неведомым сородичем... И тут она едва не рухнула от неожиданности, потому что рядом с ней крыло в крыло летел... самолёт!

Девушка хорошо знала, что такое самолёты. На родине мамы, где сейчас поселилась тётя Мэгги с семьёй, люди преодолевали с помощью самолётов огромные расстояния по воздуху. Их семья тоже путешествовала таким способом, когда они ездили в Америку знакомиться с дальними родственниками. Они понравилось, остальным детям не очень – показалось скучно.

Но вся загвоздка была в том, что в их измерении самолётов не было! Просто здешний уровень развития техники до них ещё не дошёл. Огнеплую специально выбрал для них такое место, чтобы избежать столкновений в воздухе. Тогда откуда же здесь взялось это механическое чудо?

Девушка немного приблизилась. Самолёт был пассажирский и явно происходил из маминго мира. Они хорошо видела бледные лица людей, прильнувшие к иллюминаторам. Она понимала, что они сейчас чувствуют, ведь в их мире не просто нет драконов, но такие создания вообще считаются вымышленными, мифическими, сказочными...

И тут все прочие мысли вылетели у неё из головы – Они поняла, что этот самолёт терпит бедствие! Из четырёх его двигателей нормально работал только один. Ещё один чихал и дымился, два оставшиеся молчали, а их винты застыли в обречённой неподвижности. Судя по всему, экипажу с большим трудом удавалось удержать машину в воздухе.

Вдруг что-то в барахлившем двигателе хлопнуло, из под металла брызнули искры, и его винт замер! Самолёт немедленно клюнул носом и накренился. Они в ужасе нырнула под его «больное» крыло и приняла груз на собственные лопатки. Тяжело! Не для девичьих крыльев такой вес!

Но она не могла их так бросить. Девушка понимала, что шансов спастись у этих людей нет – если самолёт упадёт, то превратится в груды обломков, набитых истерзанными, изорванными телами...

Беда была в том, что Они не представляла, что будет делать дальше. В их мире не существовало ничего похожего на аэродром, но даже если бы нашлась подходящая площадка, то, как она посадит на неё повреждённый самолёт? Целому и исправному-то без навигации и диспетчерской связи сесть в незнакомом месте, ой, как проблематично!

Тяжесть усилилась. Самолёт и драконесса под ним, теряли высоту, а ведь ей даже работать крыльями как следует, не удавалось. Она взглянула вниз, и сердце её упало – земля приближалась, те самые джунгли, где она собиралась вкусно поесть, надвигались на них, грозя стать общей могилой для нескольких десятков людей и одной драконессы!

В отчаянии девушка перебралась под самое брюхо самолёта и яростно замахала крыльями! Наверное, поэтому их падение сделалось не таким крутым. Вот верхушки деревьев совсем близко, а вот она уже брюхом и лапами вспахивает упругую зелёную массу, и джунгли нещадно хлещут её по чему попало...

Мягкие по природе растения сейчас били её, как сотни розг в руках палачей. Она зажмурилась от страха, и вдруг почувствовала резкую боль, это уцелевший винт вспорол перепонку её крыла! Потом был удар, и девушка потеряла сознание...

Глава 3.

– Кто это?
– Не знаю, может быть, она из местных аборигенов?
– Возможно. Эти индейцы гуляют по джунглям голыми. И как только не боятся кусачих тварей?

– Светленькая она для индианки. А на голове что?
– Похоже на рога. Может быть украшение?
– Ты думаешь, это мы её так?
– Наверное, её что-то ударило, когда мы сели на брюхо. Сломанное дерево или ветка.
– Жалко, такая красавица!
– Эй, смотри, она, кажется жива! Только рука немного порезана.

Они открыла глаза. Над ней стояли двое мужчин в костюмах пилотов гражданской авиации. Один из них, увидев, что девушка очнулась, схватился за медпакет и принялся перевязывать ей руку. Другой стал ему помогать. Они застонала и дёрнулась от боли. Хлопотавший над ней мужчина тут же заговорил ласково и успокоительно, на что второй с ноткой презрения заметил:

– Можешь не стараться, она тебя всё равно не понимает. Дитя природы!

Девушке вдруг захотелось разыграть этих свалившихся на её голову самоуверенных парней. Она пошире распахнула свои глаза, блеснувшие на солнце золотом, и спросила:

– Вы дети Белого дракона или его жертвы?

Пилоты переглянулись.

– Ты говоришь по-русски? – спросил тот, кто делал ей перевязку.

Мысли Они лихорадочно забегали, но превосходная память тут же расставила всё по местам. Верно – существует разница языков, разделённых из-за того, что раса людей, разбившаяся на отдельные народы, развивалась в изоляции этих народов друг от друга. Но здесь в мирах, образовавшихся в трещинах материи, это не имеет значения, так-как в силу вступает какой-то «лангва-парадокс», о котором рассказывал дядя Огги. Что это такое Они не знала, но в её мире языковых барьеров не было. Более того, когда она с родителями, братьями и сёстрами навещала тётю Мэгги, для членов её семьи не было проблемой общаться с людьми из разных стран. «Лангва-парадокс» для них действовал везде, а окружающие лишь удивлялись необычно одарённым детям, свободно говорившим на английском, китайском, суахили и русском языках.

Но рассказывать об этом молодым пилотам ей не хотелось, а потому Они, не моргнув глазом, ответила:

– Моя мама русская. Так вы сыновья русского дракона?

Пилоты рассмеялись.

– Можно сказать и так, – сострил второй, бывший с ней не таким приветливым и мягким, как первый. – Но ежели у нас мама русская, то кто же у нас папа?

Сказав это, он протянул руку к рожкам Они. Девушка отпрянула, и глаза её вспыхнули, как раскалённое золото.

– Табу! – крикнула она грозно. – Тот, кто прикоснётся к символу Священной Козы, попадёт на Жертвенные вилы, раньше, чем Чёрный Паук Ночи проглотит Огненную Муху Солнца!

Её речь возымела действие – второй пилот отдёрнул руку, встал и отступил на шаг. Они про себя рассмеялась и заплодировала собственному воображению! Священную Козу, Жертвенные Вилы, Чёрного Паука Ночи и Огненную Муху Солнца она придумала только что, потратив на это не больше одного мига. Получилось убедительно, по крайней мере, они подумают, прежде чем трогать её рожки!

– Надеюсь, то, что мы прикоснулись к самой носительнице священного символа, не отправит нас на Жертвенные вилы? – спросил первый пилот, указывая на повязку на руке Они.

Девушка вдруг поняла, что эта повязка, единственное, что сейчас на ней надето. Они не стеснялась своей наготы перед братьями, сёстрами, родителями и другими родственниками, которым демонстрировала искусство драконьего полёта. Но эти два парня, совсем другое дело! Девушке внезапно стало жарко, несмотря на наготу, она вспыхнула, сделавшись цвета разогретой бронзы. Первым порывом было сотворить себе какое-нибудь одеяние из плазмы, пропитывающей материю даже во влажных джунглях, но она поняла, что немедленно выдаст себя и напросится на лишние объяснения. Нет, придётся играть роль до конца, раз уж начала.

– Я благодарю вас от своего имени и от имени своего отца – Чёрного Дьявола джунглей, верховного вождя племени Священной Козы, за оказанную помощь, – проговорила она торжественно. – А теперь, не найдётся ли у детей Белого русского дракона куска ткани, чтобы я могла прикрыть своё тело, так-как мою одежду сдуло во время падения вашего родителя, когда я исполняла предбрачный танец призыва жениха?

Глава 4.

Самолёт сидел в зелёной массе джунглей, как булыжник, угодивший в торт. Многочисленных обитателей порушенного зелёного рая спасло то, что они разбежались и разлетелись с места его падения, едва услышали рёв мотора и гул распарываемого крыльями воздуха. Но множество гнёзд всё же погибло, а в одном месте **Они** увидела панически мечущийся рой диких пчёл, над разбитым дуплом, полным медовых сот.

Здесь уже ничего нельзя было сделать. Джунгли сами залечат свои раны, и в этом им помощь не требуется. Ей же следовало позаботиться о людях – пассажирах потерпевшей аварию летающей машины.

Эти все были живы, и даже не слишком пострадали при падении. Несколько ушибов и вывихов можно было назвать очень скромной платой за смертельно опасное приключение. Правда, люди были удручены и напуганы, но они уже успели организовать подобие временного лагеря, и теперь под руководством бортпроводниц оказывали помощь пострадавшим, разбирали багаж и организовывали ужин.

Когда оба пилота и **Они**, в лётной куртке первого, доходившей ей едва до бёдер, появились на месте аварии, их немедленно засыпали вопросами и, конечно, жалобами. Девушку поразило то, как мало удивления вызвало у людей обстоятельство, что они встретили в джунглях её, и как много удивления было по поводу её наготы. (Рожки заметили немногие.) Однако когда лётчики представили её, как дочь местного вождя, всё встало на свои места. Людям сразу стало всё понятно, хотя **Они** теперь сама пребывала в недоумении – что же они такое поняли из её выдумки?

Положительным фактом было то, что для неё тут же нашлись подходящие шорты, блузка и сандалии. В этих джунглях совсем не было кусачих тварей и болезнетворных болот, (дядя Огги постарался, когда подбирал подходящий мир для того чтобы поселить в нём их семью), а потому лёгкая одежда и обувь были самыми удобными для хождения по этим местам. Другое дело крупные хищники. Их здесь было немало, так-как в сочных, наполненных жизнью зарослях обитало множество самого разного мяса, от существ размером с ноготь, до ходячих гор, способных за один присест насытить взрослого дракона.

Когда **Они** оделась, её пригласили к столу, и тут выяснилось, что вопросов ей всё-таки не избежать. Значит, придётся и дальше заниматься сочинительством. Что ж, ладно! Как там учил дядя Огги? Самая лучшая ложь, это правильно преподнесённая правда.

Нет, она не может отвести их к отцу сейчас, так-как он с семьёй нынче далеко, и ей не под силу преодолеть самой все препятствия, ведущие к его дому. Нет, она не знает, как добраться до цивилизованных мест, но она имеет представление о цивилизации. Если дети Белого железного дракона захотят, то она может вывести их к побережью, где можно подать сигнал одному из проходящих торговых кораблей.

Это устраивало всех, кроме второго пилота. Он всё время хитренько улыбался, а когда девушка ответила на вопросы остальных, то задал свой:

– Так если племя твоего отца, (как его там?), сейчас далеко, то каким образом нарушитель табу сможет попасть на какие-то там вилы, ещё до захода солнца?

– Вилы сами найдут преступника, – ответила **Они**, сердито нахмурившись, – но тогда поздно будет раскаиваться, и молить о пощаде!

Физиономия второго пилота стала ещё более хитрой. Он уже открыл рот, чтобы спросить что-то ещё, но в этом ему помешал первый пилот, который поспешил сказать, делая товарищу многозначительные знаки:

– Конечно же, мы не допустим, чтобы произошло что-то подобное, – заговорил он, обращаясь к надувшейся от мнимой обиды **Они**. – Я и мой... брат – старшие сыновья, э-э, желез-

ного дракона, который сейчас отдыхает в этих джунглях, спешим заверить почтеннейшую дочь вождя, что тот, кто посмеет нанести ей оскорбление, будет иметь дело с нами, ещё до того, как попадёт на жертвенные вилы. А теперь не угодно ли вам назвать своё имя, чтобы легче было обращаться к уважаемой принцессе?

«Уважаемая принцесса» не видела причин скрывать своё имя или придумывать себе новое, а потому назвала себя. При этом глаза пожилого желтолицего мужчины напротив, бывшие до этого узенькими, стали вдруг больше его очков, а когда девушка по чьей-то просьбе повторила мнимое прозвище своего отца – «Чёрный Дьявол Джунглей», то этот человек и вовсе куда-то исчез, растворившись в сгущающихся сумерках.

К побережью было решено отправиться утром. Даже Они, которая в темноте видела не хуже, чем ясным днём, не рискнула бы отправляться в путь по ночным джунглям, когда большие кошки скрадывают спящих обезьян, и очень легко перепутать удава с толстой лианой, а потом почти невозможно избежать его смертельных объятий.

Правда, она могла превратиться в дракона и прошесть сквозь заросли, не обращая ни на кого внимания. Но, во-первых, она при этом перепугает людей, которые за ней просто не пойдут, а, во-вторых, прежде чем превращаться, следовало бы подлечить руку, рана на которой профессионально зашита и перевязана. Если она превратится сейчас, то крыло останется распоротым и может неправильно срастись, а тогда не избежать операции, и летать не придётся год, если не дольше. Причём, всё это только в том случае, если она сумеет благополучно добраться домой.

Но последнее невозможно сделать по воздуху, пешком тоже проблематично – далековато. Этак можно нарваться на головомойку за долгое отсутствие. Оставалось одно – идти со всеми вместе к побережью и дожидаться, когда появится корабль. Мимо он не пройдёт – Они знает, как подать сигнал о помощи, который известен всем в этом мире. На этот сигнал люди спешат, бросая любую работу, потому что знают – помощь требуется кому-то из семьи, поддерживающей здесь мир и порядок. Правда, на борту корабля её инкогнито, скорее всего, будет раскрыто, но это уже неважно...

Размышляя, таким образом, Она отходила всё дальше от лагеря, нарушая собственный совет, который она дала людям – не отходить далеко поодиночке. Но если большинство женщин имели возможность попросить мужчин сопроводить их до ближайших кустиков, то Она не могла позволить себе такую роскошь. Ей было просто неудобно! Не пилотов же звать для такой услуги?

Девушка выбрала себе подходящее место, и уже хотела отдать природе то, что предписано всем поглощающим пищу и воду, как вдруг ей на губы легла широкая ладонь, а другая с нахальной лаской прошла по голове, погладив рожки. Если бы наглец, который позволил себе эту гадкую фамильярность, удержал её ещё с четверть секунды, то он получил бы удар в голень, а затем в пах, и сейчас лежал бы у её ног, но он тут же отпустил Она и отскочил, глупо и бесцеремонно смеясь.

Девушка с негодованием обернулась и увидела второго пилота, у которого было необычное имя – Елизар. Этот Елизар весь вечер глядел на неё то с недоверием, то с насмешкой, то откровенно облизываясь, так что она чувствовала себя от его масляных взглядов не в своей тарелке. (При этом парень был вполне симпатичный, но его глупая самоуверенность сводила на нет всё обаяние, которым природа наделила человека.)

Сейчас он, как дурак активно напрашивался на неприятности. Она уже сжала в кулак здоровую руку, чтобы дать ему в пятак, но тот, продолжая смеяться, ещё отступил, выставив обе ладони вперёд.

– Сдаюсь, сдаюсь! – заговорил Елизар примирительно, не переставая гаденько хихикать. – Не надо меня бить, ведь за осквернение святыни мне положено не битьё, а какие-то

там вилы, которые сами меня найдут. Жду не дожусь! А пока они меня не нашли, может, прогуляемся?

Они даже глазами заморгала от такой наглости! Прежде всего, ей было непонятно, зачем ему понадобилось её хватать столь оскорбительным образом, если он хотел пригласить её пройти? Ну, а, кроме того, звать на прогулку девушку, которая не успела пописать...

– Понимая, понимаю! – воскликнул авиатор Елизар, по-своему расценив её замешательство. – Ты ведь призывала жениха ритуальным танцем? Так вот он я, здесь!

– Я призывала не тебя! – прошипела Они, задохнувшись от негодования.

– Да ну? – не унимался Елизар, в упор не видящий, что у девушки, к которой он клеится, глаза горят недобрым золотым огнём. – Откуда ты знаешь? Может это воля Великой Козы...

Они хотела ответить на это какой-нибудь колкостью, но тут раздался звук, как от удара о днище котелка поленом. Наянистый ухажёр вдруг перестал улыбаться, и глаза на его удивлённой физиономии съехались к переносице. Затем он упал на колени и сложился пополам, уткнувшись лицом в землю, будто молился некоему божеству.

Пожилый узкоглазый человек бросил отломанную ветку, которой вырубил наянистого парня, встал на четвереньки и тоже склонился перед изумлённой девушкой в глубоком почти-тельном поклоне. Они ничего уже не понимала, и только переводила взгляд с одного склонившегося перед ней мужчины на другого.

– Госпоза! Не убивай позалуйста! – проговорил вдруг желтолицый, не поднимая головы.

– Эй, вы чего это? – спросила Они, чувствуя, что ещё немного, и она бросится от всех этих странностей наутёк.

– Просу, госпоза! – снова заговорил странный дядька, между тем, как второй пилот сохранял молчание и неподвижность. – Если хочес, то съес меня позалуйста! И его тозе съес, если хочес. Только не ес пассазыры, позалуйста!

Они ещё несколько раз хлопнула ресницами, потом её разобрал такой смех, что едва не случилась авария! Усилив воли, подавив охватившую её истерику, девушка наклонилась к пожилому джентльмену, взяла его за руки и заставила подняться.

– Простите... как я могу вас называть? – спросила она, вглядываясь в лицо этого человека, имевшее сейчас несколько отрешённое выражение.

– Мой имя – Сай! – произнёс он отрывисто.

– Скажите, пожалуйста, господин Сай, – спросила Они, как можно мягче, – почему вы решили, что я хочу кого-то съесть?

– Ты – **они**, госпоза, ты сама это сказала, – ответил он, взглянув ей в глаза с каким-то отчаянием. – Я думал, сто ты будес отпираться и говорить сто ты не **они**, но ты не стала и сама сказала, сто – **они**!

– И что с того? – всё ещё не поняла до конца его собеседница.

– **Они** кусают людей, – был ответ.

Потом желтолицый посмотрел на неё с некоторой застенчивостью и выдал:

– Самой тебе наверно всех не съесть, госпоза. Ты хосес, наверно, отвести нас к своему племени и тогда нас всех *скусают* твои родиси, другие **они**.

Теперь Они поняла, что ещё чуть-чуть и аварии не избежать.

– Господин Сай, – проговорила она почти жалобно, – можно попросить вас об одной услуге?

– Да, госпоза, мозно, – ответил старик, посмотрев на неё ещё более удивлённо, чем при первой встрече.

– Не ходите, пожалуйста, за мной вон в те кусты. И помогите этому бедняге добраться до лагеря, когда он очнётся. Ах, да! Я – **они-вегетарианка**, как и вся моя родня. Вегетарианка в том смысле, что не ем людей, хотя, если этот дурачок продолжит приставать ко мне в своей манере, то я сделаю для него исключение!

Глава 5.

Почему мужчины такие странные? Если второй пилот по имени Елизар был дурковатым нахалом, то первый, которого звали просто – Андрей, вдруг повёл себя с Они робко и мягко, словно боялся обидеть её обычным словом, оскорбить взглядом и сломать прикосновением. Как будто она не живое существо, а тонкая восковая палочка!

Это было чудно и досадно, тем более что Они непрочь была бы с этим парнем подружиться. Андрей ей просто нравился, но кроме этого девушка нуждалась в защите. Елизар не усвоил преподанный ему урок!

Видимо, он относился к категории людей непонятливых, которые не видят намёков, а когда им скажешь что-нибудь напрямую, не верят своим ушам и стоят на своём, пока не доведут дело до скандала. Свою шишку на затылке он объяснил тем, что споткнулся и ударился, подробности разговора с Они не помнил, а помнил только, как господин Сай помог ему добраться до лагеря, где окончательно привёл в чувство, проведя сеанс акупунктуры. Всё это означало для Елизара, что вчерашний «облом» с девушкой всего лишь недоразумение и что сегодня он обязательно добьётся успеха! А как же иначе? Ведь этот мир существует ему на потребу, а девушки, с рожками они там или без рожек, созданы исключительно для его, Елизара, развлечения.

Выражалось это в том, что он не давал Они прохода, и всё старался её поддеть и подначить, воображая, что таким образом веселит и развлекает девушку. Господин Сай смотрел на эту картину с грустным сожалением, видимо относясь к Елизару, как к человеку обречённому, вроде безнадёжно больного, а Они рада была бы спрятаться от этого «безнадёжного» за чью-нибудь спину. Хотя бы за спину Андрея.

Но, увы – первый пилот видимо тоже считал, что козлиные ухаживания Елизара доставляют Они удовольствие. Девушка была вдвойне разочарована, но не подавала вида. В конце концов, Андрей не был обязан за неё заступаться и вообще испытывать к ней какую-то симпатию. Что же касается Елизара, то к полудню она всерьёз начала задумываться, не съест ли этого оборота, заманив за пальму потолще?

Они бывала в этих джунглях много раз, но до сих пор её интересовали только фрукты. Девушке не приходило в голову здесь путешествовать, тем более, пешком. Если кто знает – ходить по джунглям весьма непросто. На борту самолёта нашлись мачете, предназначенные как раз для такого случая. Кроме того, в аварийном комплекте имелась двустволка с запасом патронов, рыболовные снасти, топор и пила. У пилотов были при себе пистолеты, но в джунглях это оружие вряд ли могло пригодиться.

Пассажиров на борту самолёта было около сорока. Ровно половину из них составляли мужчины разных возрастов. Ещё было пять детей от трёх до семи лет, остальное – женщины. Такое сочетание давало возможность часто сменять тех, кто расчищал путь, но ведь людям приходилось ещё нести багаж, с которым никто не хотел расставаться.

Они с радостью помогла бы им всем, но её правая рука из-за пореза нуждалась в покое, а потому работать мачете она не могла, хотя умела это делать намного лучше большинства здесь присутствующих. По той же причине носильщица из неё была неважная. А вот присматривать за детьми ей попросту не дали. Когда девушка хотела помочь пухленькому, похожему на ангелочка мальчишке, который запнулся о корень, его мать – высокая видная блондинка с усталым лицом, попросту отодвинула Они движением бедра и сама поставила сына на ноги, несмотря на занятые сумками руки.

Они ничего не оставалось, как идти налегке во главе колонны и указывать направление, хоть и так было ясно, что двигаться нужно согласно выбранному вектору, делая поправку на солнце.

Пилоты брали в руки мачете чаще других и работали дольше. Здесь они стояли друг друга, и как будто соревновались, но ни один не мог другого победить. Оба были молодыми, спортивными, в меру подкаченными, словно античные статуи атлетов. Оба очень напоминали младших братьев Они, но те были моложе и несерьёзнее, а потому сестра смотрела на них, как на детей, хоть самые старшие были её младше только на год. Даже изображающий из себя дурачка Елизар смотрелся по сравнению с ними молодым, но зрелым мужчиной. Сейчас они с Андреем ритмично взмахивали своими громадными ножами, обнажённые по пояс, блестящие от пота, все в брызгах зелёной крови растений. Красивое зрелище, а для девичьих глаз – испытание определённого рода.

Катастрофа случилась неожиданно. Будь Они в воздухе или в море, или хотя бы на берегу, она, наверное, заранее увидела бы признаки надвигающейся бури. Но в джунглях ей ничего не было видно, а потому, когда вдруг потемнело, и голоса птиц внезапно стихли, это для девушки, всю жизнь прожившей в этом мире, было такой же неожиданностью, как и для всех остальных.

Прошли какие-то секунды, и люди едва успели удивиться происходящим переменам, когда раздалось – «Бум-бум-бум! Пум-пум-пум! Тук-тук-тук! Кап-кап-кап!...» Причём, всё это зазвучало одновременно. Капли дождя величиной с кулак, даже не детский, а вполне взрослый, забарабанили по широким пальмовым листьям и переплетению лиан, и джунгли вдруг наполнились настоящим рёвом падающей с неба воды!

Тропический ливень сам по себе опасен, если нет укрытия, но он был лишь прелюдией ко всему остальному. Внезапно стало холодно, что неудивительно – явившаяся из стратосферы влага, несла с собой холод надоблачной выси, которую солнечные лучи пронзают, не нагревая. И тут по джунглям ударил порыв ветра, пригнувший к земле самые толстые пальмы!

Людей словно припечатало большущей зелёной подушкой. Лишь благодаря тому, что толстая масса растений смягчила этот удар, никого не унесло, и трофеями стихии стали только несколько чемоданов.

Андрей, Елизар и ещё несколько мужчин, что-то кричали, призывая пассажиров держаться вместе, но это было излишним – перепуганные путешественники опустились на землю, инстинктивно сжавшись, и вцепились друг в друга, так что пальцы сводило судорогой. Укрываться от дождя было бессмысленно – вода была уже повсюду и все в момент промокли насквозь, как если бы окунулись в неё с головой.

Ураган ударил ещё и ещё! Никто не слышал друг друга, но это было к лучшему, потому что люди были способны издавать только крики ужаса. Казалось, этому кошмару не будет конца, но вдруг рёв бури стал тише. Люди с надеждой подняли головы, полагая, что опасность миновала, но Они поняла – затишье происходило потому, что сейчас они в самом центре бури, представляющей собой гигантское кольцо вращающегося с бешеной скоростью воздуха!

Девушка уже хотела крикнуть, чтобы никто не вставал, потому что светопреставление вот-вот начнётся с новой силой, но вдруг она увидела нечто такое, чего не видела раньше. Ураган повалил несколько крупных деревьев слева от их тропы, и в зелёной массе открылось окно, сквозь которое вдруг стало видно какое-то крупное строение, до этого скрытое сеткой джунглей. Наличие здесь чего-то подобного оказалось для Они совершенной новостью, но рассуждать было некогда – раз есть здание, то у него есть и крыша, а значит, там можно укрыться от бури.

– Туда, скорее туда! – закричала Она, вскакивая.

Первыми отреагировали пилоты и бортпроводницы, несмотря на потерю воздушного судна, стойчески выполнявшие служебные обязанности. Прошло меньше минуты, а пассажиры уже перебирались с их помощью через упавшие стволы, чтобы добежать до приоткрытых ворот, пока стихия не ударила снова.

Они успели! Побросав, ставшие неподъёмными чемоданы, передавая друг другу перепуганных детей, помогая тем, кто слабее, пересчитывая и окликая друг друга, успели! Едва тяжёлая, но способная двигаться створка, гулко пропев, захлопнулась за последним из беглецов, ветер ударил в неё, словно молотом, обёрнутым мешковиной. Буря снаружи завопила, как стая голодных демонов, но мощные стены и ворота, на которые пилоты тут же наложили засов, ей были уже не по зубам.

Надо было осмотреться и как-то успокоиться. Внутри странного здания, которое они толком не разглядели, было темно, но в их распоряжении имелись электрические фонари и аварийные факелы. Один из таких светильников немедленно был зажжён, и его света хватило, чтобы озарить ярким светом обширное помещение, в которое попали люди.

С первого взгляда больше всего это место напоминало заводской цех, уставленный оборудованием. Правда, назначение огромных машин, (если только это были машины), осталось непонятным. Но осмотр и исследования приходилось отложить, так-как, прежде всего надо было позаботиться о людях.

– Это не чугун и не сталь, – сказал вдруг Елизар, разглядывая ворота, которые они только что закрыли. – Это золото!

Он достал перочинный ножик, поскоблил им металл створки и указал на заблестевшую жёлтую полоску. Но Андрей не заинтересовался его открытием, он во все глаза смотрел на **Они**.

– Твои рожки... – сказал первый пилот чуть сдавленным голосом. – Они... Они, что настоящие?

Девушка ошупала голову и поняла, что он имеет в виду. Теперь, когда волосы были мокрыми, со стороны стало видно, что рожки не прикреплены к голове девушки, а растут у неё на голове из-под кожи.

– Конечно, настоящие! – тут же нашлась **Они**. – Ещё не хватает, чтобы мне вживили во младенчестве не настоящий знак принадлежности к семье вождя.

– Вживили? – удивился и ужаснулся Андрей. – Как? Когда?

– В самом раннем детстве, – продолжала сочинять **Они**. – Такие вещи у нас проделываются, когда череп ещё мягкий, не буром же его потом бурить? К тому же нужно, чтобы рожки прижились правильно и смогли потом спокойно расти.

Андрей судорожно сглотнул. Елизар, забывший о золотых воротах, чуть позеленел и закрыл ладонью рот.

– Так что? – как ни в чем, ни бывало, спросила **Они**, внутренне потешавшаяся над их удивлением, (знали бы правду!), – Мы и дальше будем обсуждать мои рожки или займёмся делом?

Сказав это, она демонстративно прошла между парнями и направилась к пассажирам, чтобы узнать, как у них дела.

Глава 6.

Теперь этот олух – Елизар, каждый раз при встрече с Они делал вид, что его тошнит. Ладно, поганец, тебе это зачтётся отдельно, когда придёт время всё припомнить!

Зато Андрей теперь был с ней заботливо-предупредительным. Ожил, наконец! Не совсем то, что хотелось бы, но это уже кое-что, начнём хотя бы с таких игр, а то она устала за день от глупой наглости одного и такой же глупой скромности другого.

Здание, в которое они попали, на поверку оказалось странной формы – круглое, как барабан. Ряды непонятных сооружений располагались внутри него концентрическими кругами и возвышались на особых постаментах-фундаментах. Ворот, оказывается, было много, кажется двенадцать, симметрично расположенных по окружности стены.

Всё это Они заметила лишь мельком – ей по-прежнему было не до исследований. Внутри здания было тепло, а это самое главное. Прежде всего, надо высушиться, затем посчитать материальные потери, благо человеческих потерь не было. Но теперь из-за утраты багажа им было не во что переодеться. Это означало одно – раздеваемся и сушимся.

Девушка убедилась, что люди справляются с ситуацией – кто-то уже успел натянуть неведомо как припасённую верёвку, кто-то развешивал на ней и на всех возможных выступах одежду. Другие раскладывали уцелевшие продукты на доступных плоскостях, осматривали повреждения друг у друга и растирали детей, собрав их в одну кучку. В общем, справлялись.

Тогда Они решила позаботиться о себе, отошла за несколько рядов от сгрудившихся пассажиров, выбрала укромный промежуток между двумя неподвижными громадинами, сняла одежду, хорошенько отжала её и разложила для просушки, после чего занялась сплывшими спутанными волосами. Ну, и, конечно же, к ней сунулись!

– Ой, прости! – воскликнул Андрей, поспешно отворачиваясь.

– Да, ладно, заходи, гостем будешь! – рассмеялась девушка. – Только будь добр – смотри в другую сторону.

– Я только хотел спросить, не нужно ли тебе чего-нибудь?

– Чашечку кофе и пирожок с яблоком!

– Нет, я серьёзно!

– Если у тебя найдётся расчёска, то можешь рассчитывать на мою искреннюю благодарность!

Вожделенную расчёску она получила через пару секунд. Это было, кстати, потому что Они уже предвидела, в какую мочалку превратится её шевелюра после отчаянного природного душа.

– А ты что же? – вдруг воскликнула девушка, увидев, что первый пилот до сих пор ходит в насквозь мокрых брюках. – Заболеть хочешь? Раздевайся немедленно!

– Да, ладно, я так... – начал Андрей, но девушка его с негодованием перебила:

– Высушишь на себе – застудишь всё самое ценное, что есть у мужчины. А заработаешь воспаление седалищного нерва – вообще сядешь в инвалидную коляску. Ну-ка, живенько всё снимай и отжимай что есть силы. Я отвернусь, не бойся!

Она действительно отвернулась, хотя сейчас была как раз такая ситуация, когда они оба могли бы этого не делать. Люди нормальные не переступят грань дозволенного, независимо от того, обнажены они или одеты. А стесняться наготы в экстремальной ситуации нелепо, особенно когда доверяешь тому, с кем попал в общую беду.

Некоторое время оба молчали, затем Андрей спросил:

– Они, зачем ты нас обманываешь?

– В каком это смысле? – ответила вопросом девушка, у которой в голове паника перед разоблачением смешалась с любопытством.

– Ты кто угодно, только не дочь вождя дикого племени.

– А кто же я, по-твоему?

– Не знаю. Но ты слишком образована и начитана для дикарки. Может быть, здесь в джунглях где-то есть библиотека? И в ней, кроме художественных книг имеются ещё и научные, по медицине, например? А ещё, эти рожки...

– А что, рожки? – спросила девушка уже с вызовом, пытаясь создать себе линию обороны из деланной обиды.

– Я могу поверить, что некие обычаи заставляют аборигенов проделывать над своим телом разные операции. Татуирование, прокалывание ушей, губ, носа. Но вживление рогов, это уже слишком! А такое чудо, чтобы эти рожки потом ещё и росли вместе с ребёнком, не снилось даже самым смелым учёным. Но даже если предположить, что некое племя знает секрет неизвестный науке, то откуда у тебя такие глаза?

– Какие?

– Красивые!..

Напрягшаяся было девушка, расплылась от удовольствия.

– Ладно, ты раскрыл меня, сыщик! – смеясь, сказала она. – Я не та, за кого себя выдаю, но как ты сам думаешь, кто я?

– Теряюсь в догадках, – ответил парень. – Если бы я не знал, что это невозможно, то решил бы, что ты... дьявол!

Они вдруг стало не смешно. С одной стороны, что он, собственно, мог предположить? Ведь господин Сай решил примерно то же самое, приняв её за **они** – демона японской мифологии. То есть, демоницу... Но от Андрея, человека образованного, она такого не ожидала. (Впрочем, кто сказал, что господин Сай неуч или невежда? Он производит впечатление очень милого, умного и интеллигентного дядечки. А вера в **они**, неотъемлемая часть культуры его народа, которую не сотрёт никакая цивилизация.) С другой стороны эпитет дьяволицы звучит резко, но не оскорбительно. Так Они ещё не называли, ведь когда они гостили у тёти Мегги и путешествовали по родному маминому миру, она и те братья и сёстры, которые имели рожки, носили мимикрийные маски. Здесь Они надеть такую маску не успела, и была вынуждена сочинять истории про дикое племя, вождём которого, якобы был её отец. Вот и результат... Но ведь так даже интереснее!

Они вдруг захотелось подшутить над ними над всеми, подыграть суеверным страхам, посмеяться над нелепыми предположениями.

– А что, если я скажу тебе, что это правда? – спросила девушка, добавив в голос загадочные нотки. – Что ты тогда сделаешь? Сбежишь или обольёшь меня святой водой?

Андрей слегка вздрогнул, но, по крайней мере, не сбежал.

– У меня нет святой воды, – сказал он. – А ты её действительно боишься?

– Не знаю, – слукавила Они. – На меня ещё этим не брызгали. Говорят, что её капли проделывают в теле дыры с кулак, которые потом очень трудно зарастить. А большое количество этой субстанции вообще может растворить плоть, так что воплотиться потом пару тысяч лет не получится.

– Они, – перебил её лётчик, – ты мне опять лапшу на уши вешаешь?

– Лапшу? На уши? – не поняла его фантазёрка.

– То есть, врёшь, да?

– Повернись. Смотри, не бойся!

Андрей повернулся к собеседнице лицом, прикрывая руками причинное место, но тут же забыл о собственной нагоде. Они уже не была обнажённой, но и одетой её тоже назвать было нельзя. На девушке красовалась набедренная повязка из шкуры тигра, а в руках была зажата длинная окованная железом палица с острыми шипами, с которых капала кровь. Они оставалась нагой по пояс, но её отросшие волосы, падали на грудь чёрными волнами, оттеняя её, но,

не скрывая полностью. Однако сейчас внимание молодого парня привлекли не эти аккуратные круглые полушария, увенчанные тёмными пирамидками сосков, с любопытством выглядывающих наружу. Он во все глаза смотрел на улыбку Они, между приоткрытых губ которой высывались... язычки пламени!

– Значит, это правда... – проговорил он без страха, но с какой-то грустью.

– Предположим, – неопределённо ответила Она, затем с сомнением поглядела на палицу и решила, видимо, что это лишнее, потому что оружие тут же превратилось в язык пламени и втянулось в руку. – Но какие из этого следуют выводы?

Андрей пожал плечами, затем спохватился и взялся за штаны, чтобы надеть их, но Она остановила его, взяв за руку.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая ему совершенно новые и сухие брюки и рубашку. – Не беспокойся, они не исчезнут, а твои ещё совсем мокрые. Одевайся, а то я смущаюсь!

Андрей смутился сам, но повиновался, и через считанные секунды стоял одетым.

– Спасибо! – сказал он. – Как ты это делаешь?

– Плазменная материализация, – пожала плечами Она. – Долго объяснять. Но ты не ответил. Что из того, что я демоница, чертиха, чертовка или как вы таких называете?

– Не знаю, – честно ответил лётчик. – Я как-то не задумывался. Наверно ничего, если ты, конечно, не попытаешься затащить мою душу в ад.

– А если попытаюсь? – спросила Она, делая к нему шаг и заглядывая в глаза.

«Ну, давай – скажи, что рад будешь последовать за мной даже в ад! Скажи, хотя бы в шутку!»

– Э, я не дамся! – ответил Андрей и сделал притворный жест, как будто собирался обороняться.

– Знаешь что? – с некоторым разочарованием произнесла Она. – Твоей душе ничего не угрожает!

Она повернулась к парню спиной и зашагала в темноту, оставив на месте их разговора свои шорты, блузку и сандалии.

Глава 7.

Они злилась на себя, на Андрея, на господина Сая, на Елизара и на всех остальных, которые, вообще-то, были не причём.

Эти люди свалились ей на голову совершенно неожиданно и некстати. Лучше бы их вообще не было! Она хотела просто поесть фруктов и подурочиться с обезьянами, а потом вернуться домой, но теперь угодила в такую историю... И всё же бросить в беде пострадавших девушка не могла, и теперь придётся возиться с ними до конца, пока она не убедится, что они в безопасности. На Елизара Они злилась, потому что он её раздражал. Это же надо быть таким!.. Животное, вот он кто! И как при такой симпатичной внешности можно иметь такую жалкую душонку? Ведь его поведение по отношению к ней, прежде всего, говорит о том, что он её ни во что не ставит. Вещью считает! Причём, не ценной, а никчёмной вещью, которую можно использовать, и не жалко испортить, сломать и выбросить. И думает при этом, что Они не видит, как он к ней относится! Что же за девушки его до сих пор окружали? Странные, наверно, были девушки, но Они не одна из них, и Елизару придётся это понять, хочет он того или нет.

А тут ещё и господин Сай со своей мифологией! Они не собирается его ни в чём разубеждать. Пусть считает её чертихой, если ему так удобно. В прошлый раз он даже помог ей тем, что вырубил этого дурака Елизара поленом. Опасный метод, но ради особо тупоголовых можно и повторить. Но, вообще, всё это раздражает!

Угораздило же её попасть тогда под винт, стукнуться и потерять сознание. Сейчас в мимикрийной маске прикинулась бы, например, путешественницей или фотографом-натуралистом! Сотворила бы себе из плазмы костюм цвета хаки, пробковый шлем, фотоаппарат. При желании можно было бы даже джип соорудить, но это слишком большая и сложная вещь, может выйти конфуз – возьмёт да не поедет. Но теперь уж что гадать, что было бы, если бы не то, да не это? Теперь ты для всех демоница, ну так веди себя соответственно, пусть лучше боятся!

Нет, ну, сама-то хороша! И что на неё нашло? «Поплыла» перед этим Андреем? Размечталась? Размечталась!.. Он ей знаком меньше суток, а уже повесил этот ярлык – «демоница». Демоница, значит, плохая, страшная, жестокая, злая, людей ест. Особенно туповатых бесчувственных парней, не знающих, как себя вести с девушкой, действительно сожрать хочется! Всего-то хватило этого рохлю на один комплимент её глазам. Красивые, дескать! Он может вообще оговорился – хотел сказать – «необыкновенные», или «странные», а сказал – «красивые». А потом всё глядел с сожалением. Значит, она сожаления достойна? Ну, ну!..

.....

Они раздражённо шлёпала босыми ногами по прохладному полу. Странно, но, несмотря на явную заброшенность загадочного здания, джунгли не проникли внутрь сквозь приоткрытые ворота. Наоборот, здесь не было ни пылинки, но девушка заметила эту странность лишь мельком.

Они никак не могла успокоиться. (Выставилась перед ним, сиськи «засветила»! Совсем с ума сошла?) От этих мыслей девушка вспыхнула, сделавшись цвета расплавленной бронзы. Кстати, одеться не помешало бы прямо сейчас. Разгуливать в одной набедренной повязке стрёмно, даже для дикарки из джунглей. (Демонице, наверное, можно, но то, что она *они*, знают только двое – Андрей и господин Сай.)

Но девушка, переполненная эмоциями, сейчас не могла должным образом сосредоточиться для манипуляций с плазмой. Этак вместо приемлемой одежды сотворишь себе «железную деву» для пыток. Кроме того, её сейчас никто не видел, а потому даже хорошо было, что прохладный воздух немного остужает раскалённую кожу, а гладкий пол приятно ласкает ступни. Мелькнула шальная мысль – а не выйти ли остудиться под дождь? Но это было чересчур – снаружи по-прежнему бушевала буря, и сама мысль о том, что они могли быть сей-

час там, в джунглях под проливным дождём и ураганным ветром, заставляла содрогнуться. Ну, и ещё – для того чтобы выйти требовалось открыть одни из двенадцати врат, запертых, может быть столетия назад. С теми, которые были приоткрыты, справились не без усилий два крепких пилота, а **Они**, хоть и спортивная, но всё же девушка, и рука её пока не зажила.

Надо было взять себя в руки, привести в порядок мысли и тело, одеться и, может быть сотворить мимикрийную маску – копию себя, но без рожек. А если кто-нибудь удивится, куда это они делись, так ведь сняла, когда причёсывалась! Что же касается неких лиц, знающих, что это часть её тела, которую снять невозможно, то пусть поломают головы, но на расстоянии. (Если Елизар полезет шупать – откушу пальцы!)

С этими мыслями девушка повернула обратно, чтобы вернуться к пассажирам, сушившимся недалеко от первых ворот. В качестве одежды она решила использовать длинный кусок ткани неброской расцветки. Людям сейчас не до того, чтобы задавать лишние вопросы, вроде – «Откуда взяла?» Нашла! Зато это удобно, просто и прилично, да и блуза с шортами скоро высохнут.

Желая сократить себе обратный путь, **Они** решила перейти на меньший из концентрических кругов-проходов, и по нему вернуться к людям. Девушка повернула под прямым углом и шагнула в пустоту...

Лишь с опозданием **Они** поняла, что здесь между непонятными сооружениями, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга, почему-то слишком большой промежуток. Иными словами, на месте одного из этих устройств, (или что они там такое?), зияла большая дыра, которую она не заметила.

«Лечу!» – подумала девушка, рассекая воздух, свистящий в ушах.

Но она не летела, а падала. Падала в глубокий колодец, на дне которого её ждала неизвестность.

Глава 8.

– Вы полагаете, она на такое способна?

Андрей был хмур и недоверчив. Всё его существо восставало против самого этого разговора, а потому ему непросто было держать себя в руках. Однако он слушал и задавал вопросы.

– **Они** способна, – глуховатым голосом отвечал маленький пожилой японец, господин Сай. – **Они** много сто способна! Например, озыть, когда убьют. Прирастись отрубленную руку, ногу или даже голову. **Они** мозет стать невидимым и бесплотным. Мозет совсем истезнуть, а потом внезапно появисся там, где никто не озыдает. Мозет вызвать бурю...

– Вот чертовка! – воскликнул Елизар. – Я сразу её заподозрил, потому что никакая она не аборигенша. Эта девка мне сразу не понравилась...

– И потому ты за ней ухлёстывал с самого начала? – усмехнулся Андрей.

– Да я!.. – взвился второй пилот, но господин Сай опередил его:

– Нельзя ухлёстывась за зенсиной-**они**, потомусто обидится, и тогда зди беды! Если зенсина-**они** понравилась, за ней надо ухазывать, как за принцессой. Но тот, кто связал свою зизнь с **они** – пропал! **Они** мозет полюбить селовека. **Они** мозет засщетить селовека и возвысить его. Но этот селовек будет принадлежать **они**, будет выполнять все её прихоти и капризы. Ему не всё будет нравиться в зизни с **они**, ведь зизнь демонов не такая, как зизнь селовека и обысяи не такие.

– Что же там такого особенного? – заинтересовался Елизар.

– Они не осень верная зена, но ей нельзя пенять на это – съест! – улыбнулся профессор Сай. – Впросем, она тозе не требует верности от муза-селовека.

– Ну, если можно без проблем гулять... – начал второй пилот, мечтательно закатив глаза.

– Никогда нельзя узнать наверняка на сто обидится **они**, – покачал головой господин Сай. – Мозно прозить всю зизнь, а потом **они** возьмёт и съест провинивсегося муза, а он так и не узнает за сто.

– Ха! Старушка съела старичка! – пропел Елизар. – Дело обычное!

– **Они** не знает старости, – возразил японец.

– Всегда молодая жена? – чуть задумался Елизар. – А что, неплохо! Только палка о двух концах – надоест ведь!

– Не бойся, дружище, тебе такая судьба не грозит, – улыбнулся Андрей. – Но, похоже, ты рассердил **Они**, и она наслала бурю!

(Сам он не верил в такую возможность, ведь **Они** была с ними, и получается, что она призвала стихию на свою голову.)

– Возможно, девушка-**они** не насылала бурю, – задумчиво сказал господин Сай. – Возможно, **они** обиделась и буря присла сама, когда природа услышала её настроение.

– Ого! – усмехнулся Андрей. – Когда мы расстались, настроение у неё было тоже не супер.

– Знасит будем здать цунами, – без тени улыбки заявил японец.

– Ну, ни хрена себе! – воскликнул Елизар. – Что же ты, Андрюха, бабу не уважил? Она к тебе, а ты...

– Да вот как-то не вышло, – хмуро проговорил первый пилот. – Господин Сай прав – никогда наверняка нельзя знать, на что девушка обидится. Вроде, не говорил ничего такого...

– А надо было! – с уверенностью заявил второй пилот. – Девки любят, когда им пургу всякую в уши задуваешь. А когда молчишь – обижаются и скучают. Если не знаешь, что говорить – тренди любую чушь. Сойдёт! Поверь моему опыту – всегда сходит.

– Нет, сегодня не сосло! – хитро прищурился профессор Сай. – Но господин второй пилот прав – говорить надо. Умно говорить, хоросо говорить!

– Да что говорить-то? – снова нахмурился Андрей. – Только ведь встретились... Ну, нравится она мне! Но я, прежде всего, не мастер, а потом рога эти... Да не в рогах дело! **Они** она или не **они**, беда в другом. Не знаю я ещё ничего! А вдруг у неё есть кто? А если я ей не по нутру?

– О сём вы беседовали, когда говорили про вас? – спросил японец.

– Обо мне? – удивился Андрей. – Обо мне мы почти не говорили. Ну, разве что, она настаивала, чтобы я переоделся в сухое. Ну, чтобы не простыл...

Господин Сай и Елизар переглянулись.

– Если она вам нравится, то скажите всё, сто у вас на душе, когда встреситесь, – мудро изрёк японец. – Если не нравится – бегите, как можно дальсе и совсем не встресайтесь с ней!

– А если не получится ни то, ни другое? – вскинул голову Андрей.

– Тогда боюсь сто эси дзунгли смоеет цунами, – ответил японец со спокойствием обречённости.

Глава 9.

Они висела в пространстве, и это было непросто. Но, как говорил дядя Огги – жить захочешь, и всё станет просто! Летать без крыльев в человеческом образе, как это делала мама, из всей семьи умела, кроме неё, только одна Они. Умела, но не любила.

Превращаться в дракона было значительно интереснее. Правда, крылья не давали такой скорости, но зато можно было не думать о зависимости от энергии мира, и потерять это чувство, тоже можно было не опасаться. Пара надёжных крыльев, это как пара здоровых ног – пока они у тебя есть, – ходить будешь. А полёты без опоры на воздух...

Они поняла, что сейчас она разобьётся. Колодец был глубок, но не бесконечен. Для принятия решения и действия у Они были доли секунды. Теперь она парила в потоке энергии, подвешенная в пространстве, как гайка в магнитном поле. Девушка постаралась успокоиться, потому что ей ещё надо было придумать, что делать дальше.

Лететь вверх? Это направление она определила, хоть видимость была здесь нулевая – даже её глаза ничего не видели в такой темноте. Опуститься вниз? Если бы знать глубину колодца, она бы так и сделала. Но из-за той же темноты ей невозможно было рассчитать скорость спуска, как и скорость подъёма. Одна ошибка, и она разобьётся о дно колодца, либо о крышу строения. Требовалось как-то сориентироваться.

Прибегать к огню Они сейчас боялась – можно было потерять контроль над энергией удерживающей её в воздухе и упасть. Второй раз «зависнуть» она врядли успеет. Но, может быть, ей удастся нащупать нужное направление?

Девушка раскинула руки в стороны и обратила ладони от себя. Этому способу её тоже научил дядя Огги. Ладонями можно «видеть» не хуже, чем глазами, кроме того, свет при этом не требуется. Чтобы иметь объёмную картину окружающего мира, она стала потихонечку поворачиваться вокруг своей оси, «всматриваясь» руками в окружающее пространство.

Нет, она была не в колодце, как подумала об этом сначала. Если вокруг и были стены, то они находились на значительном удалении, так что Они их почти не ощущала. Получается, что здесь помещение побольше, чем наверху? Что же это, пещера или рукотворное сооружение?

Вдруг что-то коснулось пальцев её правой ноги. Они едва не взвилась вверх от неожиданности! Прикосновение было жёстким и холодным – металл или гладкий камень.

Девушка постаралась взять себя в руки и стала осторожно снижаться. Уже через пару секунд её ноги встали на что-то твёрдое и неровное. Так значит, пол был совсем рядом! Они рассмеялась. Со стороны это, наверное, выглядело презабавно. Но что же дальше, и на чём она стоит?

Теперь можно было не бояться потерять контроль и рухнуть, а потому Они надула небольшой огненный шар и взяла его в руку, как светоч. В следующий момент девушка вскрикнула от удивления и присела, чтобы сохранить равновесие, так-как у неё закружилась голова. Она стояла не на полу, а на подобии квадратного острова десять на десять шагов, расположенного на верхушке такой же квадратной колонны, уходящей в невероятную глубину. Вокруг вышался целый лес таких же колонн, упиравшихся в потолок, сравнимый по высоте с небом. Прямо над головой далеко-далеко виднелось квадратное отверстие, через которое, очевидно, Они попала сюда. Оценив эту высоту, девушка поёжилась, как от холода – если бы она не умела летать, то разбилась бы о поверхность этого «острова» в лепёшку. Но всё обошлось, и теперь надо было решать, что делать дальше.

Однако ее, прежде всего, заинтересовал сам «остров». Судя по всему, то, что они там наверху приняли за машины, стоящие на фундаментах-постаменты, тоже были такие «острова», устроенные на верхушках колонн. До сих пор рассмотреть их было некогда, а сейчас Они подняла повыше свой светоч и ещё раз вскрикнула от удивления!

«Остров» представлял собой макет какой-то горной местности, выполненный из металла. Они присела, чтобы разглядеть эту странную картинку и опять ахнула – да, это действительно напоминало объёмную карту, какую иногда показывают школьникам на уроках географии. Но в отличие от раскрашенных изделий из папье-маше, эта «карта» была... живая!

Они отлично видела не только горы, но и устроенные у их подножий небольшие города и деревни, дороги-серпантин, карабкающиеся по горным склонам, перевалы, тракты в небольших долинах, улицы в городах. И по всем этим дорогам двигались миниатюрные повозки, запряжённые разномастными лошадьми и крохотные точки, в которых Они узнала... людей! И люди эти были живыми, но при этом, как будто сделанными из металла. А точнее – из золота.

Девушка вдруг испугалась, ведь она была сверхгигантом в этом игрушечном мире. А вдруг она повредит здесь что-нибудь или кого-нибудь раздавит? Это заставило её взлететь снова, но долго висеть в воздухе было неудобно. Одно дело летать на хорошей полётной высоте, а другое дело зависнуть над полом низко-низко. Поэтому она опустилась в той части гор, где ни поселений, ни дорог не было видно.

Они коснулась ногами поверхности гор, и чуть не подскочила обратно – поверхность была жутко холодной! Да и как же ей быть не холодной, если это лёд? А ещё, кроме льда здесь был снег и пронизывающий ветер. И это всё потому, что горы были уже не под ней, а вокруг неё! Она стояла посреди горного ледника, одна, в набедренной повязке, босая и без средств к спасению.

Кругом бушевала метель. Почему-то взлететь снова у неё не получалось. Зачерпнуть растворённой в пространстве плазмы, чтобы согреться и сделать себе одежду, тоже...

Глава 10.

Андрея терзало чувство вины. С одной стороны он вроде бы ничем не обидел Они, но с другой, вёл себя с ней, как безусый юнец, дурашливый и не к месту робкий.

А всё из-за его неуверенности. Просто не привык он верить в себя! Да что уж греха таить – беда у него была до сих пор с девушками.

Странно то, что чуть не с детских лет эти непредсказуемые создания называли его красавчиком, делали ему «глазки», хихикали за спиной, томно облизывали губки и посылали воздушные поцелуи. В те годы это вызывало у нецелованного парня чувство протеста и даже возмущения. Он всё никак не мог понять, как можно быть такими вульгарными? Но через очень небольшой промежуток времени всё изменилось.

Девушки перестали казаться вульгарными. Их развесёлая, почти животная игривость виделась теперь совершенно в другом свете. Они были милыми, естественными, а ещё... странными. Странными, потому что вели себя непонятным образом.

То, что Андрей перестал быть для них «красавчиком» его немного удивляло, но не особо расстраивало. Для мужчины красота не является первым из достоинств, к тому же многочисленные тётушки, окружавшие парня, придерживались о нём прежнего мнения. А вот взрослые девушки переключили своё внимание с него на типов совершенно другого толка.

Это было поразительно, но они просто млели и таяли перед отвязной шпаной, а репутация мерзавца, негодяя и недоумка, только прибавляла веса в глазах юных самок человека, проявлявших воистину обезьяньи инстинкты в своих симпатиях.

Другая категория девиц почему-то в упор не видела сверстников, а пребывала в состоянии эфористических грёз от мужчин старших поколений. Их привлекали люди пожившие, состоявшиеся. Но, как правило, это были уже семейные люди, а восторженные соплюхи годились им в дочери. Те же, кто по жизни были уверенными холостяками, к девчонкам относились, как к бродячим кошкам, и ни во что их не ставили.

Как можно терпеть по отношению к себе такое, Андрею было непонятно, и, тем не менее, на его глазах случилось несколько историй, когда девчонки-малолетки связывались с взрослыми мужчинами, но все эти истории заканчивались скверно и даже трагично для обеих сторон. Всегда желающие получить сразу всё, что накапливается за годы жизни, оставались ни с чем.

Впоследствии, молодой спортивный парень пытался знакомиться со сверстницами-студентками, но и тут ему не везло. Девушки отзывались на его предложения встретиться, и воспоминания об этих встречах до сих пор вызывали у парня дрожь.

Вопрос, почему люди не могут жить по-человечески, и зачем им вообще такая жизнь, остался для него открытым по сию пору, а возник именно тогда. Если сверстницы-школьницы поражали его своей вульгарностью, недалёковидностью и откровенной глупостью, то теперь носительницы красоты и животворящей силы убивали откровенным цинизмом, меркантильностью, мелочностью, неискренностью, а порой и откровенной пошлостью.

Каково было ему узнать, что ангелоподобное создание, которое он наделял самыми высокими человеческими качествами, собирается замуж за одного, спит с другим, деньги тянет с третьего, гуляет ещё с двумя, а его, Андрея, «завела» себе от скуки! Это что же такое надо проделать с этой девушкой, чтобы ей не было скучно?

Ещё одна поразила его воображение своей чудовищной любовью к деньгам. (Это вообще было какой-то общей болезнью прекрасного пола, но попадались и особо тяжёлые случаи.) Буквально с первых слов она заявила парню, что он для неё ноль, поскольку не является сыном директора, ответственного работника, известного профессора или ещё кого-то в этом роде, обладающего денежным мешком, квартирами, дачами, дорогими машинами и прочими необ-

ходимыми благами. Вот когда заработает достаточно средств и лучше в инвалюте, тогда может рассчитывать на её благосклонность.

Андрей в тот раз подумал, что если когда-нибудь разбогатеет, (а почему бы нет?), то ни в коем случае не свяжется с этой дивой или подобной ей. Лучше уж одиночество, чем жизнь с пиявкой!

А была и такая, которой нравилось в разговоре поливать грязью всех их общих знакомых. При этом, она была уверена, что это доставляет Андрею такое же удовольствие. Некоторое время ему казалось забавным это свойство сплетницы, но оно вскоре приелось. А когда он методично и с умом опроверг несколько явных её выдумок, которые она с таким удовольствием смаковала, они поссорились. Начинающиеся отношения добил случайно подслушанный им разговор, в котором девица поливала грязью его самого. Нет, он тогда не обиделся, просто понял, что связался с той, которая без грязи совсем жить не может. Что ж, это её проблемы, он же никогда не страдал тягой к грязному белью, помойкам, навозным кучам и вообще к той среде, где она была счастлива.

Проведение берегло его от любви, которой он так жаждал. Он-то считал её отсутствие своей бедой, но настоящая беда была бы, если бы к какой-нибудь из подобных девиц у него возникло настоящее чувство. И ещё большая беда случилась бы, если бы ему ответили взаимностью. Тогда он этого не понимал, и очень страдал от одиночества, которое грозило стать его уделом.

Они была другая. Совсем другая, но это было понятно, ведь она была существом иного мира. Дьяволица? Это не укладывалось в голове. Но он сам видел то, что она проделывала. И эти рожки... Но при всём при этом, от этой девушки веяло теплом, её забота о нём была искренней, а взгляды, которые она на него бросала, выражали интерес и симпатию. И никакой вульгарности, никакого кривляния, никаких «глазок», состроенных только для того чтобы потом фыркнуть и принять вид скупающего равнодушия.

Но дело даже было не в этом. Они притягивала. Она занимала мысли, заставляла думать только о себе, между тем, как проблем и забот было по горло. Само по себе крушение самолёта уже было немаленькой бедой, с которой предстояло ещё разбираться. То, что при этом никто не погиб, можно было считать чудом, но теперь пассажиров требовалось ещё довести до цивилизованных мест, а это было ой, как непросто! А тут ещё Они...

Однако это не значило, что Они создавала проблемы. Наоборот, без неё им всем сейчас было бы худо. Беда заключалась в другом – Андрей не верил, что у него что-то получится с этой девушкой. Скорее всего, всё будет, как всегда. Точнее, всё уже случилось, как всегда – их разговор закончился тем, что Она ушла обиженная. Видимо он оказался слишком груб или непредупредителен, или недогадлив. Но, в конце концов, они же знакомы только два дня! Немножко рановато делать выводы и строить догадки.

В любом случае, сначала девушку надо было найти и, может быть извиниться или просто поговорить, а может быть... Может быть, просто взять и рассказать ей всё, как есть, и пусть тогда она ему скажет, есть ли у него надежда, и стоит ли рассчитывать на что-то большее?

Глава 11.

Они открыла глаза и подняла голову. Тут же огромная мягкая рука легла ей на затылок и принудила нырнуть обратно в тёплый живой мех – спи!

Ей стало смешно, но спорить с Мамой Йети было бесполезно. Раз сказали, что нужно спать, значит нужно спать, и неважно хочется тебе этого или нет. Вот Вуфф не пытается проснуться раньше времени, он примерный сынишка добрейших родителей, не то, что Они.

.....

Когда посиневшая от холода, и совершенно обессиленная девушка вдруг оказалась в могучих объятиях неведомого существа, то решила, что это настал её конец. Видимо она стала добычей какого-нибудь горного барса или медведя, и сейчас её будут есть. Не было сил сопротивляться, не было возможности трансформироваться в дракона. Огонь так и не вернулся, что было очень странно – Они, сколько себя помнила, огонь всегда был с ней, её особый белозолотистый огонь, какого не было ни у кого из сестёр и братьев. Теперь он куда-то пропал, видимо был невозможен в том мире, где она очутилась. (Дядя Огги предупреждал, что такие миры существуют, и вот оно тому подтверждение!)

Оставалось одно – надеяться, что её убьют достаточно быстро. Хуже если начнут есть живую, а это случается, если попасть к особо сильным хищникам, которые уверены, что жертва не сбежит. Однако время шло, а есть её никто не пытался. Наоборот, странные лапы, подозрительно похожие на человеческие руки, каждая из которых в бицепсе была, чуть ли не втрое толще её талии, держали Они бережно и осторожно, с неповторимой могучей предупредительностью. Так мастер, превративший слесарное дело в искусство, зажимает большими тисками виноградину, не повредив нежной кожицы.

Они чувствовала себя словно в детской люльке, где было тепло и уютно. Вот только неясная перспектива портила впечатление. Девушка чувствовала, что её куда-то несут, но что случится, когда этот путь кончится, не знала. Возможно, тогда и начнётся самое страшное...

Ничего страшного, в конце концов, не случилось, хотя Они сначала изрядно перепугалась, когда её опустили на пол пещеры, и, обернувшись, она увидела вблизи физиономию Папы Йети. Правда, тут кто угодно испугался бы! Это потом Они научилась различать, когда Папа Йети бывает, сердит и грозен, а когда весел и приветлив. Но в тот миг она увидела только лицо, в котором сочетались обезьяньи и человеческие черты. А было это лицо, как двустворчатые двери в большом доме, и выглядело, ну, очень свирепым!

Понятное дело, первым порывом отогревшейся девушки было – удрать! Но стоило ей метнуться в противоположную сторону, как она ткнулась во что-то мягкое, волосатое и огромное! Ну, конечно, это была Мама Йети, которой тоже было интересно посмотреть на удивительное дитя, которое принёс муж.

Но Они видела только двух склонившихся над ней чудовищ и естественно подумала, что видимо сейчас она станет закуской на их пикнике. Вот один из этих монстров наклонился пониже, вытянул губы трубкой и как-то странно заугкал, а другой широко улыбнулся, обнажая зубы, которых не постыдился бы иной дракон. Они зажмурилась...

Она простояла с закрытыми глазами несколько долгих секунд, в течение которых слышала только удары своего сердца, гулкие, как колокол. Потом одновременно загукали оба чудовища, а руки Они коснулось что-то мягкое и пушистое, от чего она чуть не подпрыгнула до потолка пещеры.

Девушка отважилась приоткрыть один глаз, потом другой. Перед ней стоял детёныш йети! У этого существа была хорошо видна фамильная волосатость, заметная даже в большей степени, чем у родителей. Но физиономия его была по-детски наивной и доброй. Они сразу почувствовала к нему симпатию. Ростом этот малыш был на голову выше её самой, но обла-

дал более упитанной фигурой и уже весьма развитой мускулатурой, несмотря на свой нежный возраст. (Они решила, что ему от роду не более пяти-семи лет.)

– Вуфф, – представился этот «младенец», и потянул Они за набедренную повязку, от чего тут же получил лёгкий шлепок от матери.

И тут Они поняла, что её не съедят! Ведь если хозяева пещеры берегут её от собственного сына, то значит, считают её жизнь ценной. От этого открытия и от переизбытка эмоций, девушка вдруг начала истерически смеяться и плакать одновременно, чувствуя, что остановиться удастся нескоро! Её поведение переполошило семейство йети. Испуганный малыш спрятался за маму, а взрослые принялись переговариваться, тревожным гуканьем. Дело кончилось тем, что Мама Йети сграбастала девушку в охапку и принялась её баюкать совсем по-человечески, а потом ловко напихала в рот каких-то листьев.

Листья были подгнившими и противными на вкус. Они ими чуть не подавилась, но все попытки выплюнуть эту гадость были решительно пресечены пальцем Мамы Йети, и тошнотворная жвачка снова оказалась засунута девушке в рот.

Пришлось глотать... Они думала, что её вырвет, но всё обошлось, зато её потянуло в сон и она, помимо воли уснула на руках у существа, которого только что считала чудовищем-людоедом. Проснулась она в обнимку с Вуффом. Видимо в гнилых листьях содержалось какое-то сонное вещество, лёгкого действия, потому что сквозь входное отверстие в пещеру проникал ровный солнечный свет, метели, как не было, а хозяева мирно спали. Позже Они узнала, что йети ведут сумеречный образ жизни и делят сутки на четыре части. Иными словами, эти создания спят ночью и днём, но бодрствуют утром и вечером. Но что заставляет их так жить, она так и не поняла.

.....
Девушка осторожно выбралась из рук Мамы Йети, прилагая огромные усилия, чтобы не разбудить Вуффа. Меньше всего ей сейчас хотелось наделать шума. Ей удалось проделать всё аккуратно, и она благополучно достигла выхода из пещеры. Цель её предприятия была всё та же – сбежать, но уже через несколько шагов беглянку взяли сомнения. Йети не пользовались огнём, и даже в их пещере было очень холодно. Так может ли она рассчитывать на то, что сумеет дойти до цивилизованных мест или хотя бы до одиночных человеческих поселений в таком виде? То есть, босиком и в одной набедренной повязке? (Вопрос, как её встретят местные жители, и какова будет их реакция на её рожки, возник где-то на периферии сознания и был отброшен за ненужностью.)

– Ух-р-р! – раздалось сзади, и, обернувшись, девушка увидела Папу Йети.

Вслед за мужем пробудилась и его хозяйка. Вопрос о бегстве был полностью снят, тем более что намерения Они тут же были разгаданы. Супружеская пара, приютившая замерзающую девушку, некоторое время назидательно рычала на неё, выговаривая за намерение покинуть пещеру без спросу. Малыш Вуфф в это время благоразумно держался вне поля зрения. Но когда выволочка провинившейся закончилась, он тут же присоединился к Они и начал ласкаться.

Это вообще было чрезвычайно ласковое существо. Полтора ста килограммов доброты и миролюбия! Человеческие дети в этом возрасте уже начинают проявлять признаки агрессии и строптивости, но Вуфф, похоже, был совершенно лишён этих качеств. Они многому научилась у маленького йети. Например, проситься по нужде, что стало для неё первым уроком, и просить еду, что стало вторым.

Выяснилось, что йети вовсе не вегетарианцы. В первый же день папа отлучился на несколько часов и вернулся с тушей снежного барана в руках. Несмотря на то, что баран оказался весьма жилист, он исчез в мановение ока, причём, был съеден вместе с костями и шкурой, которые поделили между собой взрослые.

Они ничего не имела против сырого мяса. В детстве она долго отказывалась есть какую-либо другую пищу, чем весьма озадачивала собственных родителей. Но теперь эти пристрастия совсем юных лет уступили более полезной всеядности. Более того – сырое мясо Они теперь ела только будучи в драконьем облиии, а в человеческом употребляла исключительно готовые мясные блюда, и вообще предпочитала фрукты. Сейчас она сомневалась, что, будучи человеком, сможет переварить такую еду, но её сомнения оказались напрасны. Мясо оказалось съедобным и даже очень вкусным, вопреки мнению тех, кто не пробовал есть его сырым. Что же касается паразитов, которых легко можно нахвататься, питаясь, таким образом, то выбора у неё не было. Они лишь надеялась, что сможет избавиться от них при следующей трансформации.

Самой большой проблемой здесь был не проходящий холод. По этой причине Они с Вуффом почти не покидали тёплые руки Мамы Йети, и даже играли там. Маленький йети был гораздо более приспособлен к холоду, чем Они, но и его родители тщательно берегли от переохлаждения. Сами же они мороза толи не чувствовали, толи умело игнорировали его, но детей, к которым теперь причисляли Они, не отпускали от себя ни на шаг. В связи с этим девушка задавалась вопросом – что с ней будет дальше? Малыш Вуфф вырастет, а она-то нет! Так что же, теперь она обречена, провести остаток жизни на руках у Мамы Йети?

Глава 12.

Её нигде не было. Андрей обошёл все возможные закоулки этого странного места, что, в общем-то, было несложно. Но девушка, как в воду канула. Может быть, она прячется от него? Это тоже было несложно, ведь он не скрывался и всё время звал её. Они вполне могла наблюдать за ним со стороны или ходить по пятам и смеяться...

Андрей зябко поёжился. Он думал, что избавился от этого комплекса, но видимо рано обрадовался. Это долгое время было его тайным проклятием, которое он носил со школьных времён, и сбросил, как ему казалось, только пару лет назад. Смех за спиной... Андрей его не выносил! Особенно девичий. Издевательский...

Ему всё казалось, что смеются над ним. Это было отвратительно, он понимал, что неправ, но ничего не мог с собой поделать. Несколько раз попадал в нелепые ситуации, когда оборачивался и начинал выяснять отношения с людьми, которые и не думали над ним смеяться. Один раз даже нарвался на драку, но не с девчонками, конечно.

Андрей одёрнул себя. Этого ещё не хватало! Какой же он лётчик после этого? Нет, он не допустит повторения побеждённой и уже забытой слабости. Да и с чего это Они будет над ним смеяться?

Размышляя, он не заметил, как оказался в центре здания, где была ровная круглая площадка. Здесь он ещё не был, по той простой причине, что делать ему здесь было нечего. Теперь тоже вроде бы не появилась причина оставаться на этом пустом пятнышке, но Андрей почему-то прошёл в самый центр и встал в середине круга на небольшой плоский металлический диск. И тут фонарик его мигнул и погас.

Лётчик не успел посетовать на севшие батарейки, как вдруг понял, что видит всё вокруг гораздо лучше, чем при свете электрического луча. Но самое чудное было то, что он не мог определить источник света, благодаря которому видел окружающий мир. И каково же было его удивление, когда он понял, что света здесь вообще не было и что он каким-то образом воспринимает всё без него!

Предметы вокруг не имели теней, и были только двух цветов – серого цвета камня и жёлтого цвета золота. Андрей сделал шаг в сторону и сошёл с круга. Странное бесцветное зрение пропало и всё снова погрузилось в темноту. Тогда он снова вернулся в круг и опять увидел серо-золотые предметы – странные сооружения на постаментах.

Лётчик по-прежнему не понимал их назначения. Нет, это были не машины. Ассоциация с механизмами стоящими на фундаментах в заводском цеху, видимо возникла из-за того, что ему больше было не с чем сравнить это странное место и эти странные объекты. Может быть, если бы он мог увидеть их все разом, ему всё стало бы понятнее. А ещё, Андрею пришлось в голову, что так ему легче будет найти Они.

Когда он понял, что поднимается, то совершенно не удивился. Откуда-то пришло понимание, что можно подняться таким способом под самый купол высоченного потолка. Теперь он действительно мог видеть всю внутренность здания, его двенадцать золотых врат, наглухо запертых изнутри, (уже хорошо, значит, Они не выходила за пределы здания), и концентрические пунктирные круги из каменных постаментов с бесформенными нагромождениями на них. Видел он и неряшливый табор пассажиров притулившись, как попало среди стройных рядов золотых конструкций. Почему-то это зрелище заставило его поморщиться от неудовольствия, как будто он обнаружил посреди красивой и аккуратно прибранной гостиной кучу мусора из опрокинутого ведра.

Андрей мог разглядеть каждого пассажира в отдельности, но он не испытывал к ним сострадания, как раньше. И он мог заглянуть в любую оставшуюся у них сумку, чемодан и даже карман, но это ему было не интересно.

Андрей видел господина Сая, расположившегося отдельно от всех. Старик сидел на циночке, поджав под себя ноги, и, толи спал, толи молился в такой позе. А ещё, Андрей видел Елизара, который с фонариком в руках рыскал между сооружениями на постаментах. О, так он тоже ищет Они? Ну, нет, *эту* игрушку Андрей ему не отдаст! (Игрушку?)

Лётчик потряс головой. Что-то было не так. Откуда эти циничные высокомерные мысли и суждения? Какая такая игрушка? Это он что, про Они? Про ангела, (пусть даже падшего!), небесной красоты?

Похоже место, на котором он стоял, как-то нехорошо на него влияло. Оно наделяло его удивительными способностями, но при этом что-то забирало взамен. Кажется совесть...

Надо было выбираться отсюда пока не поздно. Кто знает, вернётся ли совесть, если он задержится в центре непонятого зала. Правда, многие люди по глупости считают потерю совести делом не опасным и даже полезным. Так, дескать, жить легче! Но эти люди ошибаются. Совесть – неотъемлемая часть сознания, один из важнейших регуляторов человеческого поведения. Без неё человек, как самолёт без гирокомпаса, как автомобиль без тормозов и со сломанными рулевыми тягами. Мнимая лёгкость жизни без совести, это лёгкость инвалида, потерявшего все конечности и мужское хозяйство в придачу. Потерю совести легче всего сравнить с потерей чувства боли. Вроде бы хорошо, когда боли нет, но попробуйте положить без этого необходимого чувства руку в костёр. Хорошо вам будет опомниться, когда от неё останется только обугленная головешка?

Но, как бы там ни было, он действительно должен найти Они первым и не дать её этому прохвосту Елизару. Не потому что он старался заполучить эту девушку для себя. Ну, не только поэтому, а ещё и потому, что знал – Елизар обойдётся с ней, как с куклой. Наиграется, сломает и бросит. (М-м, кажется, совесть возвращается!)

Андрей решил, что такому не бывать, и для предотвращения этого не грех воспользоваться особыми способностями, которыми наделяет его то место, на котором он стоит. Он ещё раз внимательно оглядел всё огромное помещение, давшее им убежище от бури. Они внутри не было, но она не выходила наружу. Так, где же она может быть?

И тут он не увидел, а почувствовал – исчезновение девушки как-то связано с золотыми устройствами на постаментах! Требовалось изучить их, понять, что они такое, и это было ему по силам. С этой целью Андрей усилием мысли и воли (!?) приблизил к себе одно сооружение и внимательно вгляделся в него.

.....

Перед ним сияла звезда. Она была так близко, что можно было разглядеть плазменные завихрения и протуберанцы на её поверхности. Как у Андрея хватало сил смотреть на это светило без защиты, оставалось загадкой, но он не стал ломать над этим голову. Вокруг звезды вращались по своим орбитам около дюжины планет. Было очень похоже на Солнечную систему, но это была не она. (Светило было белым, а не жёлтым, хоть оно состояло из золота. Планеты тоже были из золота, но они вели себя, как самые настоящие планеты – вращались вокруг своей звезды, обеспечивая смену времён года, вращались вокруг своей оси, создавая смену дня и ночи, имели от одного до десяти спутников, обладали атмосферой и выраженным рельефом поверхности, включавшим впадины и возвышенности, моря и сушу.

Удивительно, но почти все эти планеты были обитаемы! Мало того – они общались друг с другом с помощью кораблей напоминающих самолёты, но гораздо более сложных. В мире Андрея о таком можно было только мечтать! Правда, многие, глядя на бурное развитие авиации, предполагали, что недалёк тот день, когда самолёты смогут достичь космоса, но таких мечтателей считали чудаками и фантазёрами. Дорога в космос для человека лишь едва приоткрылась, и кто знает, сколько времени должно пройти, прежде чем отдельные эксперименты превратятся в обыденную практику?

.....

Андрей отдалил от себя видение планетной системы и призадумался. Что это значит? Уже само по себе то, что он мог приблизить и отдалить объект, который по самым приблизительным подсчётам весил десятки тонн, было странно. Видимо, он как-то приближал не сам объект, а его изображение, но как это происходило, было неясно. Но суть не в этом, а в том, что он так и не понял, что он видел. Незнакомую планетную систему? Хорошо отснятый фильм? Галлюцинацию? Непохоже... В любом случае учёные говорят, что никаких больше обитаемых планет не существует, и мы одни во Вселенной. Значит, то, что он сейчас увидел, ненастоящее. Но как это может быть?

Ничего, по-прежнему, не было ясно. Очевидно, это происходило из-за недостатка информации. Что ж, проблему такого рода можно было решить только одним способом – продолжить изучение феномена дальше. И тогда Андрей приблизил следующий объект.

.....

Две армии стояли друг напротив друга, ожидая сигналов к атаке. Примирение было невозможно, но ведь они сошлись в этой степи не для примирения. С одной стороны ровными квадратами выстроились закованные в тяжёлую броню римские когорты. Целых четыре центурии! Серьёзная сила. По первому же звуку флейты воины в первых рядах сомкнули щиты по периметру построения, а те, что стоят за ними поднимут щиты над головами, а потом двинутся, не спеша, но уверенно, как одно живое существо, упрямое и неуязвимое – черепаха! Также уверенно они будут теснить врага, как бы неистов и силен он ни был. Не раз потоки варваров разбивались об эти ходячие крепости, как разбиваются океанские волны о береговые скалы.

По бокам грозной пехоты застыла тяжёлая конница. Её задачей является взять врага в клещи и удерживать, постепенно окружая, пока несравненная пехота будет делать своё дело. Позади, расположилась конница лёгкая. Она вступит в бой последней, и будет добивать и доделывать то, что не успеют главные силы. Задача для безусых юнцов, и... не слишком почётное место службы.

А вот их противник – смешанное войско. В центре персидская пехота – знаменитые «бессмертные». Серьёзные воины! Схватиться с любым из них один на один почти всегда верная смерть. Разве что спартанцы прошлых веков могли считаться достойными противниками этой гвардии. Или может быть у гладиаторов есть шанс выстоять против страшных чернородых головорезов. Но «бессмертным» далеко до римлян в умении держать строй, не говоря уже о построении «черепахой». Персы стоят длинными шеренгами, прикрывшись плетёными щитами, удобными для фехтовального боя из-за своей лёгкости и прочности. Почему-то их военачальники не понимают, что такой щит не способен выдержать удар копья. А ведь римляне ударят, прежде всего, копьями. Это значит, что «бессмертные» обречены.

Как и в первом войске по бокам пехоты стоит тяжёлая конница. О, да это же парфянские катафрактары! Очень серьёзный противник. С головы до ног одетые в наборную чешуйчатую броню, по которой вечно соскальзывают клинки вражеских мечей и наконечники дротиков, не находя возможности зацепиться. Опасный противник парфяне, вот только мало их, до странности мало! А где же лёгкая конница противника?

Очень странно – лёгкая конница, оказывается, стоит в стороне с таким видом, как будто всё происходящее её не касается. Оно и понятно, это же скифы, загадочную душу которых не в состоянии понять народы цивилизованные. Ещё греки в период своего расцвета вывихнули себе мозги, общаясь, с этими странными северными варварами. Римляне же предпочитают их не замечать до поры до времени.

Никто не сомневается, что великий Рим рано или поздно встанет над всем миром. Придёт время, будет покорена и Скифия, но это случится не сейчас. Пока такое завоевание считается невыгодным – больше солдат ляжет в степях, лесах и болтах севера, чем пленных врагов будет доставлено в Вечный город. Но чего же всё-таки ждут скифы? Может быть, они совсем не собираются участвовать в битве?

Но вот пропели трубы, давая сигнал к наступлению, и засвистели свирели, отмеряя ритм шага пехоты. Битва началась!

Вдруг, похожие на ящериц, оседлавших лошадей, парфяне сорвались с места, и как безумные атаковали тяжёлую римскую конницу на обоих флангах! Сочетание противников было при этом один к пяти, но парфянские катафрактарии действовали при этом так, словно численное превосходство было на их стороне, а не наоборот.

Между тем, когорты римской пехоты продолжали своё наступление на «бессмертных», которые почему-то стояли неподвижной стеной, в то время как все законы военного дела гласили, что преимущество в подобной сшибке бывает у того, кто наносит, а не принимает удар. А для нанесения хорошего удара даже пехоте следует хорошенько разогнаться!

И тут вдруг раздался стук копыт лошадей несущихся галопом. Что это? Скифы! Они что собираются атаковать римские «черепахи» в конном строю? Но ведь это, то же самое, что пытаться разбить наковальню глиняным горшком!

Однако скифы не бросаются на римские когорты. Они скачут, вытянувшись в цепь, а в руках у них... тяжёлые охотничьи луки! И на всём скаку эти безумные всадники посылают стрелу за стрелой, проносясь перед фронтом римского войска...

Ливень смертей обрушивается на когорты! Большинство стрел увязают в дереве щитов и отскакивают от шлемов и пластин панцирей, но многие всё же проникают своими узкими гранёными жалами в смотровые щели, без которых пришлось бы двигаться вслепую. Одни воины падают на колени, оставшись без глаз, и тщетно пытаются избавиться от засевших стрел. Другие умирают на месте, получив удар, проникающий в мозг. На их место тут же становятся другие, но это перестроение пусть на миг, но всё же открывает брешь в ходячей крепости, и в эту брешь немедленно влетают ещё несколько стрел!

Движение «черепах» замедляется, становится неровным. Командиры когорт стараются навести порядок, но ливень стрел непрерывен, и солдаты продолжают падать и падать. Это не может остановить «черепахи», но теперь стройное наступление на «бессмертных» грозит превратиться в хаотичный вал.

Скифские всадники почему-то не иссякают, хоть разведка докладывала о сравнительно небольшом числе степняков. Ах, вот оно что! Выпустив по десятку стрел, скифы описывают широкий круг, огибают войско персов и возвращаются на исходную позицию, чтобы снова атаковать. Поэтому их поток кажется бесконечным. Если бы тяжёлая римская конница не была связана боем с озверевшими парфянами, этот манёвр можно было бы пресечь. Может быть, не разбить наголову, но хотя бы отогнать лёгких и быстрых скифов от когорт. Но сейчас единственно, что римляне могут противопоставить стремительным стрелкам, это собственных лучников и пращников, искусство которых намного слабее скифского. Пустить же свою лёгкую конницу, наперерез степнякам, это было бы всё равно, что выставить новобранца против гладиатора. Да и поздно уже...

Скифы исчезли также внезапно, как и появились. Измученные обозлённые римляне не сразу поняли, что из пылевого облака, стеной вставшего между двумя армиями по ним больше никто не стреляет, но обрадоваться они не успели.

То, что выступило из этой пыли, заставило открыть рты самых опытных ветеранов. Давно поступь македонской фаланги не сотрясала поля сражений обозримого мира, но самым странным было то, что сейчас этот строй держали те, чьих предков когда-то опрокинули воины великого Александра! Но куда же подевались плетёные щиты «бессмертных», и почему они идут, вложив мечи в ножны?

Теперь персы шли под прикрытием больших квадратных щитов, почти в рост человека. Щиты эти были тяжёлыми, прочными и неудобными для фехтовального боя, но их было легко поставить на землю и укрыться за ними, как за стеной крепости. Но сейчас «бессмертные» были в движении, а щиты их плотно смыкались в сплошную непроницаемую преграду. Но не

это несло угрозу израненным римским когортам, а то, что в руках у наступающих персов были сариссы!

Длинные тяжёлые копья, которые несли сразу несколько человек, положив древки друг другу на плечи, дружно ударили широкими и острыми, как мечи наконечниками, и взломали панцири римских «черепах»! И дрогнули солдаты непобедимой империи, и отступили передние, внося хаос в когорты, идущие сзади, а многие приняли смерть от ужасных копий, способных остановить боевых слонов.

Тогда «бессмертные» выхватили свои знаменитые мечи, пробивающие любые панцири, и пошла резня! А в это время скифы, присоединившиеся к парфянам, добивали тяжёлую римскую конницу. Лёгкой коннице римлян было приказано отступить, чтобы сохранить хоть что-то от армии прославленного стратега Публия...

.....
Андрей «отпустил» прошедшую перед глазами картину военной катастрофы разыгравшейся в эпоху римской античности и задумался. Сейчас больше всего его поражало не то, что он видел неизвестные миры и сюжеты из прошлого, а то, как он себя ощущал при этом. А ощущал он себя богом, не меньше! Пусть не Творцом-Создателем, но чем-то вроде языческого бога, способного повелевать какой-нибудь стихией.

Однако, как бы всё это ни было интересно, он так и не понял, где следует искать Они. Девушки не было в здании, содержащем... (отдельные миры?), но, может быть, она спряталась в одном из этих «миров»?

Хорошо, но как? Несмотря на всю свою «божественность» Андрей мог только призвать к себе очередную картинку из очередного мира, но он не мог влиять на то, что там происходит. Он не знал, что предпринять, если Они обнаружится где-нибудь в космосе или в морских глубинах, и сможет ли он помочь ей, если она нуждается в помощи. Или хотя бы дать ей знать, что её не забыли, что её ищут.

Но вопрос сейчас был, прежде всего, в том, чтобы найти беглянку. Задумав проверить свою версию, Андрей решил просматривать один мир за другим, пока девушка не будет обнаружена или пока миры не кончатся. И он приступил к работе, думая, что те золотые миры, которые он видит на постаментах, это всё, что ему нужно пересмотреть. Как же он ошибался!

Глава 13.

Андрюха, похоже, поверил, но Елизар, конечно, не повёлся на такую ерунду! Какая ещё дьяволица, товарищи? Мало ли что старый японец с косых глаз придумает! Нет никаких дьяволиц, и сказки про **они**, тоже чушь! Это название и имя той девчонки, обычное совпадение. А может она сама себе такое имя придумала, так-как знала или читала что-то о японских демонах. Что же касается рогов, то эти аборигены чего только не придумают. Может действительно козыи рога ей вживили ещё во младенчестве? Бр-р...

Но девка она то, что надо, и бросать её просто так глупо. Вот же Андрюха дурень! Не видит, что она на него запала, но это уже его проблемы – не видит и не надо. Девчонки не любят таких долго думающих и сомневающих. Им по нраву такие, как Елизар, а это значит, что в ближайшее время она поймёт с кем действительно интересно. Но сначала надо её найти.

Сперва, Елизар направился туда, куда показал Андрей, но тот и сам искал девушку в этом направлении, и если бы она хотела, то давно бы отозвалась. (Андрюха окликал её часто и громко.) А раз не отзывается, значит, где-то прячется и не хочет иметь больше дела с этим рохлей.

Но ведь не будет же она прятаться где-то у него на пути. Логично поискать девчонку в другой стороне, а если Елизар ошибается, то здесь в принципе неважно в какую сторону идти – все проходы представляют собой концентрические круги, либо радиальные лучи, ведущие к центру. В центре делать нечего, он уже знал, что там пустая площадка, круглая, как цирковая арена. Значит, надо двигаться по кругу, заглядывая за все эти агрегаты непонятного назначения.

Мысленно Елизар потирал лапки от удовольствия! Нет, он не был абсолютным мародёром, и если бы у Андрюхи с этой девкой что-то заладилось, то не стал бы мешать и злодействовать. В конце концов, одна стюардесса дышала к нему неровно, и он был намерен по прилёту уложить её в постель. Так что без дела он не останется. А если не заладится и здесь, (ведь всякое бывает!), то всегда можно найти себе юбку на месте. Но Елизар видел, что Андрюха опять «слапшил», а тут уж извините – грех упускать такую экзотическую чиксу! Так что, извини, первый пилот, здесь тебе, (ха-ха!), первым не бывать, но можешь потом быть вторым, если опять зевать не будешь!

С такими мыслями Елизар кружил вокруг агрегатов, и при этом двигался по кругу, стараясь не пропускать ни один «постамент». Он не звал **Они** вслух, потому что девушка, услышав такой зов, могла спрятаться намеренно. (Да она, небось, так и делала, слушая, как её зовёт Андрюха!) А ещё, Елизар решил, что сменит тактику и перестанет раздражать девчонку постоянными поддёвками. Теперь он будет с ней дружелюбен и приветлив, ну, и, конечно, посочувствует, по поводу того, что тот, кто ей нравится, оказался таким валенком. А потом, как бы невзначай, предложит прогуляться, хотя бы между тех же здешних агрегатов, ведь снаружи буря всё ещё бушует. А дальше, дело техники! (Готов поспорить, что сдастся она уже сегодня, а не сегодня, так завтра. Девки всегда такие – сначала фыркают, потом мурлычат. Сначала корчат недотрогу, а потом радостно раздвигают ножки!)

Что-то заставило Елизара остановиться, сперва он не понял что именно. Нет, он не нашёл **Они**, дело было в другом. Один из здешних агрегатов слегка светился и двигался. Он, как будто медленно вырастал из пола. Очень медленно, но было видно, что его основание заметно ниже, чем у остальных.

А, так значит, эти штуки могут уходить под пол? Чёрт его знает, что это может означать, но в данный момент одна из агрегатин вставала на место.

Получается, что сооружение, в котором они находятся, не заброшено и не бездействует, раз его механика функционирует. Это помимо прочего, могло означать, что у этого строения и у всего, что внутри, есть хозяева.

В таком случае, с одной стороны есть опасность, что они нарушили чужую территорию, и теперь придётся за это отвечать. Но, может быть, теперь у них есть шанс связаться с цивилизованными местами, и не надо идти по джунглям к побережью?

Всё это требовало проверки, но прежде всего, Елизара заинтересовал сам агрегат, вырастающий из пола. В свете фонарика он больше всего напоминал макет какой-то гористой местности, выполненный из золота...

Глава 14.

Они учила Вуффа разговаривать. А почему бы нет? Малыш йети был очень способным и понятливым. Он намного превосходил в развитии человеческих детей своего возраста, и если бы природа не поставила его виду некую грань, которую йети переступить были не в силах, у них был бы шанс потеснить человечество, как вид более слабый и изнеженный.

Но это человечеству не грозило. Вуфф вырастит таким, как его отец – могучим, красивым, добрым и умным... по-своему. Но стать цивилизованным существом у него не получится. Может быть, к его же счастью!

Первым словом Вуффа было – «Ой!» Он повторил его за Они. Само собой разумеется, Вуфф «ойкал» по поводу и без повода, и замучил этим и Маму Йети, и Они. (Папа в это время добывал очередного снежного барана.) Тогда девушка решила научить его простым словам, стараясь объяснить их значение, чтобы это не было попугайством. Как это ни удивительно, дело пошло, как по маслу!

Меньше чем через неделю Вуфф мог назвать части тела, попросить есть, выразить желание спать или играть. Правда, когда он пытался разговаривать с Мамой Йети, то ничего из этого не выходило. Взрослые всегда хуже чему-то обучаются, чем дети, а потому его собеседницей была только Они.

Это, конечно, немного развлекало девушку. Хотя какое-то общение! Но она понимала, что так долго продолжаться не может. Нельзя же провести жизнь на руках у Мамы Йети! В любом случае, если она здесь задержится надолго, то сойдёт с ума раньше, чем состарится. Эх, ей бы одежду или хоть какое-то её подобие!

Они много раз пробовала возродить свои способности, но ей не удавалось, не только слепить что-нибудь из мировой плазмы, но и выдавить из себя, хоть искру огня. Трансформироваться в дракона она уже отчаялась. Энергия этого мира имела какую-то особую природу, и для полётов не годилась. По крайней мере, Они пока не освоила её, и даже едва ощущала. Хорошо ещё, что здешний воздух был пригоден для дыхания, а еда усваивалась и шла впрок. Даже слишком – Они боялась поправиться от обильной жирной пищи и почти неподвижного образа жизни, ведь её по-прежнему надолго не отпускали с рук и берегли от холода.

Глава 15.

Господин Сай не молился и не размышлял – он медитировал, но это у него сейчас плохо получалось. Никак нельзя было отвлечься от назойливых мыслей, но это немудрено, когда рядом **они**!

Если честно, то эта девушка ему даже нравилась. **Они** не производила впечатление свирепости и кровожадности, присущей её народу. Она была нежна, обаятельна, ранима, хоть и не казалась избалованной или изнеженной, какими бывают иногда домашние девочки, ещё не понявшие, что далеко не весь мир предназначен для их развлечения. Девушка казалась смелой и сильной, настолько, насколько это отпущено существам её природы, а может даже немного поболее того. Но она не была злой, не только, как **они**, но и, как это бывает с человеческими девушками, прячущими за внешней привлекательностью малопривлекательную ядовитость.

Нет, эта девушка была не такой. Понятно, что два молодых пилота заглядываются на неё, не взирая, на рожки, но и его стариновское сердце тает при виде этой опасной прелести. **Они** напоминала господину Саю его собственных внучек. Находясь рядом с ней, он переставал думать о том, кто она, и видел в этом существе только юную девушку. Однако он никогда до конца не забывал, с кем имеет дело.

Они умны и коварны. Те из них кто по каким-то причинам не могут применить силу, используют лесть и способны плести интриги не хуже политиков. Девушка по имени **Они** не казалась очень сильной физически, но это могло быть обманчивое впечатление. Господин Сай видел, в чём заключалась её сила. Эта буря была ни чем иным, как гневом обиженной **они**! Такое будет страшнее мощных лап с огромными когтями, и кабаньих клыков, которыми гордятся её родичи – демоны. Эта демоница умеет себя сдерживать, но её месть всё равно настигает обидчика. А поскольку она управляет стихиями, то месть эта может быть страшной! Нда...

И всё же здесь было много неясного. Сначала господин Сай подозревал, что **Они** гневается на этого глупыша – Елизара. Но ведь она могла запросто откусить ему голову или, если уж на то пошло, унести его в смерче и бросить где-нибудь в океане. Но, кажется, она гневалась не на него одного. Это подтверждалось тем, что все кто был на самолёте, находятся здесь.

Что это за страшное место, куда она их завела? Неудивительно будет, если сюда пожалуют остальные **они**, и устроят пир горой, где главным блюдом будут пассажиры с разбитого самолёта. Но, возможно, всё обстоит ещё хуже! Не исключено, что кроме тел **они** заинтересуются их душами...

И было ещё кое-что. Господин Сай хорошо помнил того дракона, которого видели многие пассажиры, незадолго до крушения самолёта. Почему-то пилоты его не заметили, и теперь не верят никому, думают, что это просто фантазии людей обезумевших от страха. Но господин Сай разглядел дракона очень неплохо. Правда, он до конца так и не понял, напал ли дракон на самолёт или пытался помочь. Почему-то, больше было похоже на второе, но дело не в этом.

У наблюдательного японца хватило времени, чтобы заметить самую большую, с его точки зрения, странность – у того дракона были такие же золотые глаза, как и у **Они**! Что это могло означать? Этого господин Сай не знал, но почему-то это обстоятельство пугало его больше чем перспектива быть съеденным родственниками их новой знакомой!..

Да, с медитацией сегодня совсем ничего не выходит...

Глава 16.

Они вошли одетые в длинные плащи и пальто. На всех были широкополые чёрные шляпы, перчатки и штиблеты с гетрами. Даже если бы они не достали оружие, всем сразу стало понятно, что это гангстеры!

Кассиры в жилетках, мешковатых брюках, нарукавниках и кепи с длинными козырьками без верха. Менеджеры в деловых костюмах и неизменных галстуках с фальшивыми бриллиантами на булавках, похожие на агентов похоронного бюро. Клиенты в серых пиджаках, бежевых пиджаках, чёрных пиджаках, в пиджаках в полосочку. Дамы в строгих платьях, шляпах-наколках и с лакированными сумочками. Охранники в форме напоминающей полицейскую, при пивных животиках и револьверах в кобурах. Все, как один подняли руки, раньше, чем кто-либо их об этом попросил.

Это вызвало одобрение со стороны главаря банды налётчиков. Он улыбнулся своей фирменной улыбкой, известной всей стране и даже за рубежом, после чего вежливо попросил всех присутствующих лечь на пол. Более того – заметив среди посетителей пожилую даму, он лично снял с вешалки чей-то плащ и расстелил его на полу, после чего пригласил старую леди прилечь с такой галантностью, что та расплылась в благодарной улыбке.

Вежливость и обаяние были чем-то вроде фирменного знака этого бандитствующего джентльмена. Никто никогда не слышал от него не то чтобы грязной брани, но даже просто грубого слова! Он не любил убийство, но, не задумываясь, пускал оружие в ход, когда завязывалась перестрелка с полицией или конкурирующей бандой. Его обожала вся женская половина государства, ему завидовала вся мужская половина. Это был самый популярный и удачливый бандит, которого многие уже считали национальным героем. Но всё это не мешало признавать его преступником, и за его голову была назначена награда.

Возможно, именно мысль о награде подвигла одного из клерков на решительный и безумный шаг. В тот момент, когда пачки банкнот из открытых касс уже перекочевали в просторные холщёвые мешки, и речь шла о том, чтобы открыть главное хранилище, этот малый вдруг приподнялся и на глазах у следившего за заложниками громилы сунул руку под конторку и вдавил неприметную пуговку в панель, из которой она торчала.

Вой сирены, установленной на крыше здания банка, разбудил бы мёртвого! Бесстрашный клерк получил свою награду немедленно, в виде удара прикладом автомата в зубы. Он получил бы больше, но предводитель налётчиков не желал опускаться до мелкой мести, и приказал не трогать больше этого дурака.

Речь об ограблении главного хранилища теперь уже не шла. Жадный гангстер – мёртвый гангстер. Надо было отступать к автомобилям, припаркованным на соседней улице, но снаружи уже завывали сирены полицейских машин, и через считанные секунды здание банка было окружено.

Налётчикам с помощью мегафона предложили сдаться без боя и положиться на милость правосудия. Гангстеры были не настолько глупы, чтобы полагаться на эту «милость». Они вышли, прихватив свою добычу, оказавшуюся вдесятеро скромнее той, на которую рассчитывали. Каждый вёл перед собой заложника, но только мужчин – женщин обаятельный главарь великодушно приказал отпустить.

Налётчики были, как на ладони, но никто из полицейских не посмел выстрелить, хотя гангстеры проходили от них так близко, что их можно было коснуться рукой. До соседней улицы, где стояли автомобили, водители, которых уже заводили моторы, оставалась пара десятков шагов...

Выстрелы раздались откуда-то сверху, из небоскрёба, что возвышался напротив банка. Стрелял из окна старик с бакенбардами, одетый в халат и шлёпанцы. В руках у него дымился

видавший виды старинный длинноствольный револьвер, помнивший лихие времена, когда он был единственным проводником закона, а тот, кто держал его в руке, сочетал должности шерифа, судьи и палача.

Громила, шедший рядом с главарём, вскрикнул и упал на одно колено. Сам главарь почувствовал сильный толчок в плечо и острую боль, мгновенно парализовавшую руку. Он покачнулся и выпустил заложника, тотчас юркнувшего в проём между полицейскими машинами. Тотчас перед гангстером возникло лицо полицейского со стальными глазами и решительным квадратным подбородком. И в руке у этого полицейского был пистолет, направленный в упор...

Выстрел! Второй, третий, четвёртый! Адская боль и треск рёбер! Ответная очередь из автомата, и тело полицейского, практически перерезанное пополам, отлетает на капот ближайшей машины...

Но главарь банды, получивший четыре пули по корпусу из крупного калибра, жив, хоть и скорчился от боли! Просто у него под широким чёрным плащом бронежилет, а вот у полицейского бронежилета не было.

Пальба, как камнепад – начинается с одного выстрела-камешка, а в следующую секунду этих «камешков» сыплются уже десятки, сотни, и вот лавина камней несётся неудержимо, сметающая всё на своём пути! Грохот, гарь, крики боли и ярости! Звенят разбитые стёкла, прыгают отработанные гильзы, падают убитые и раненные. Заложники, гангстеры, полицейские...

Банда отступала, беспорядочно отстреливаясь. Почти треть «джентльменов удачи» осталась лежать в лужах собственной крови, среди рассыпавшихся банкнот. Три из пяти мешков с деньгами, взятыми, как трофеи во время налёта, оказались потерянными. И всё же гангстеры добрались до своих автомобилей, отогнав преследователей гранатами.

Взревели моторы и четыре кабриолета сорвались с места раньше, чем полиция сориентировалась и догадалась броситься в погоню. Они растаяли в улицах огромного города, где дома скребли крышами небо, а жители казались муравьями на фоне гигантских строений из стекла и бетона.

.....

«Бог-Андрей» оттолкнул от себя очередной «мир» с негодованием и злостью. Опять не то! Кому нужны какие-то там гангстеры, небоскрёбы и прочая капиталистическая бурда? Он вырос в мире, где всего этого не было, а если что и было, то происходило без таких вот эксцессов, словно специально придуманных для очередного фильма.

Но самое главное – в этом мире тоже не было Они! (Хотя, с другой стороны, хорошо, что её там не было.) Андрей почему-то был уверен, что если бы девушка попала в один из тех «миров», в которые он заглядывал, то он нашёл бы её сразу, и разглядел бы без труда. Правда, все «миры», которые он уже просмотрел, были чем-то опасны или вообще не годились для жизни. Кроме того, он понятия не имел, что предпримет, когда найдёт беглянку. Сейчас он мог только «призывать» миры, чтобы заглянуть внутрь, но ни вмешиваться в их жизнь, ни проникать внутрь он не мог. Или просто не знал как?

Но что же он за бог такой, если не может самого главного – распоряжаться там, где распространяется его власть? Жалкий получается божок! Но, может быть это не так? Действительно ли он способен только смотреть или может нечто большее? И Андрей решил попробовать сделать «большее».

Глава 17.

Они понимала, что ещё немного, и она сбесится! Это было чёрной неблагодарностью по отношению к семейству йети, но девушка уже давно еле сдерживалась.

Её всё раздражало, даже любознательный малыш Вуфф. Собственно, больше всего раздражала его бесцеремонная любознательность. В последнее время он повадился изучать её – Они.

Девушка была далека от мысли, чтобы стесняться этих милых, но всё же примитивных созданий. Дядя Огги объяснил ей ошибочность учения о том, что люди произошли вот от этих обезьяноподобных существ, но человеческий вид, несомненно, состоял с ними в дальнем родстве. И всё же между ними и людьми была пропасть, и прежде всего это чувствовалось не из-за разницы во внешности, а ввиду социального поведения. Нет, йети и в этом были похожи на людей, но многое с чем люди маются многие века, было им чуждо и непонятно. Например, йети не знали стеснения. Если это чувство и было им свойственно, то оно пребывало в зачаточном состоянии. По крайней мере, йети не стеснялись естественного, данного им природой.

Они и не думала стесняться своей наготы перед Вуффом и даже перед Папой Йети. Но в последнее время малыш стал проявлять повышенный интерес к её телу и постоянно тянул свои любопытные ручонки туда, куда не следует. Девушка старалась мягко отстранять их, понимая, что этот его интерес никак не связан с притяжением к противоположному полу. Во-первых, Вуфф был ещё совсем мал, а, во-вторых, она надеялась, что они с точки зрения вида достаточно разные, и она может не опасаться покушения на свою невинность.

И всё же Вуфф проявлял упрямство. Они не могла запретить ему совсем прикасаться к себе, ведь они спали на руках у Мамы Йети, практически в обнимку. С другой стороны, ей вовсе не хотелось вызвать раздражение и гнев со стороны своего друга, которому уже сейчас ничего не стоило переломать ей все кости. В результате девушка была ошупана, обнюхана и даже попробована на вкус, буквально с головы до ног! Это и сместило её, и бесило. Ну, и раздражало, конечно!

Они не знала, сколько она ещё выдержит. Её спасение было в тепле и еде, которую давали ей йети, но деятельная человеческая натура требовала выхода из первобытного застоя, в который она угодила. Да, можно даже взрослому человеку некоторое время сидеть в детской песочнице и лепить куличики, развлекая малышей. Это бывает интересно, если длится недолго, но попробуйте провести так месяц-другой без перерыва – взвоете!

Время для размышления у девушки было предостаточно. Планы побега, один безумнее другого, рождались у неё в голове, но отвергались один за другим, за явной невыполнимостью. Самым разумным казалось начесать побольше шерсти с малыша, а может быть и с его родителей, после чего спрясти из этой шерсти нить, а из неё связать себе тёплый костюм. В таком костюме можно было уйти намного дальше, чем голышом, в одной набедренной повязке. Правда, уйти подальше и добраться до человеческого жилья, это было не одно и то же.

Но не это, само по себе значительное обстоятельство делало план трудновыполнимым. Прежде всего, у Они не было ни гребня, чтобы начесать шерсть, ни прялки, чтобы спрясти нить, (она имела самые общие представления о том, как это делается), ни спиц или крючка, чтобы что-то связать. Но, даже имея всё это, трудно было надеяться на успех. Ведь, если бы девушка ловко обращалась со всеми инструментами для изготовления одежды и располагала достаточным количеством материала, то неизвестно дали бы йети ей заниматься чем-то таким – неизвестным, а потому подозрительным. Скорее всего, нет.

Нда, похоже, из этого тоже ничего не выйдет. При самом лучшем раскладе Они должна будет трудиться над осуществлением своего плана несколько месяцев, а погубить его может что угодно. Любопытство Вуффа, например. Проще вырастить шерсть на себе!..

Что-то похожее на внезапное озарение мелькнуло на периферии сознания, и погасло. Интересно, что это было? Они не стала пускаться в погоню за убегающей мыслью. Она знала, что так её вернее всего можно потерять. Лучше расслабиться и подумать о чём-то отвлечённом, и тогда любопытная мысль сама высунется из убежища, где спряталась и обнаружит себя!

Девушка припомнила, как училась трансформироваться в дракона, как овладевала приёмом сжатия личного времени, чтобы не тратить на этот процесс недели и месяцы. Как соединяла всё это с навыком плазменного преобразования, чтобы не маяться с постройкой нового тела с помощью усиленного питания, как это делала когда-то мама. Жаль, что всё это не применимо в здешнем мире. Как было бы прекрасно расправить могучие крылья и взмыть к небу, оставив далеко внизу и заснеженные горы, и мороз, и йети!..

И вдруг её осенило – йети! Когда-то дядя Огги рассказывал, что трансформироваться можно в любое существо, не обязательно в дракона. Но, чтобы это сделать, необходимо узнать об этом существе, как можно больше. Самое лучшее, это хорошенько рассмотреть того, в кого желаешь превратиться, а потом съесть его, проглотить полностью

Хорошо ему было рассуждать! Будучи в теле дракона, он мог проглотить кого угодно, чем и занимался постоянно долгие годы, пока не встретил свою принцессу – их с мамой прародительницу, Анхе. Когда Они сама пребывала в драконьем образе, она тоже могла многое что проглотить, но девушка смотрела на вещи иначе, а потому на её счету целиком проглоченной могла считаться только рыба. Ну, не в тунца же ей превращаться здесь в пещере?

Самый лучший мех, защищающий от мороза, кроме йети был у снежных баранов. Но превращаться в снежную овцу Они не хотела. Во-первых, для успешной трансформации надо было разглядеть это животное живым, а потом уже анализировать на вкус. А, во-вторых, был риск, что её не узнают в новом образе, и тогда она попадёт на обед семейства йети в качестве основного блюда.

Нет, трансформироваться в йети было бы самое правильное. Прежде всего, сохранишь тело близкое к человеческому, а значит им легче будет научиться пользоваться. Ну, и приобретёшь вожеленный мех, способный защитить от мороза во время перехода через горы.

Всё это были пока теории, ведь Они, по-прежнему, не чувствовала ни энергию, ни мировую плазму, а без этого о трансформации можно было только мечтать. Но девушка не теряла надежды. Она будет пробовать ещё и ещё, пока не добьётся результата.

А пока не лишним будет потратить время на изучение йети. Вот этого самого йети, который до сих пор так бесцеремонно изучал её саму. Конечно, глотать Вуффа Они не собиралась, да у неё и не получилось бы, но рассмотреть его со всех сторон она была намерена самым внимательнейшим образом. Ничего, пусть немного попохочет от щекотки, как это бывает, когда их отпускают поиграть! А вот проглотить придётся комочек его шерсти... Брр!

Глава 18.

Такого Елизар никак не ожидал! На самом деле он вообще ничего не ожидал, когда из любопытства влез на медленно поднимающееся из пола непонятное сооружение. Сперва, он испытал смесь удивления и разочарования – агрегатина оказалась рельефной картой какой-то гористой местности, выполненной из... золота! Станный выбор материала, но тому, кто всем тут управляет виднее.

Второй пилот ещё в детстве читал о сокровищах, спрятанных в древних дворцах, храмах и гробницах затерянных в джунглях. Там же обитали всякие чудища и вполне реальные, но не менее опасные твари от ядовитых змей до тигров-людоедов. Сказки, конечно, но, как говорится – сказка ложь, да в ней намёк...

И вот теперь один такой «намёк» в виде странного здания, набитого золотом, а точнее, чуть ли не целиком из него состоящего, стал их приютом. Ладно, принимаем, как данность. Заодно гасим в себе ненужную нотку алчности – ясно, что этим золотом никак нельзя воспользоваться, ведь предметы здесь все большие и тяжёлые до неподъёмности. Отломать себе небольшой кусок проблематично, да и если получится отломать, то можно огрести немаленькие неприятности, когда у золота найдутся хозяева. Но даже если не найдутся, то, как его вывезти из чужой страны? (Они даже не знали, в какой именно стране находились, так-как во время катастрофы все приборы отказали.) И даже если бы удалось что-то пронести через несколько границ, то, как объяснить дома, откуда взялось такое богатство? Так что выкидываем из головы всю эту муть и сосредотачиваемся на проблемах насущных.

Разочарование случилось от того, что он увидел карту. Всё же интереснее было бы посмотреть на какой-нибудь древний механизм – артефакт исчезнувшей цивилизации. А тут – учебное пособие!

И всё же он забрался наверх и осторожно встал на поверхность карты. (Всё-таки дорогая штука!) И тут довелось ему удивиться по-настоящему, потому что карта была живая!

Елизар ясно видел миниатюрные города, дороги по которым двигались люди и повозки, пасущиеся в долинах стада, и даже птиц паривших над всем этим. Что же это такое? Про объёмные картинки он слышал, стереофильмы, где приходилось сидеть в специальных очках, видел. Но такое встретил в первый раз в жизни. Лётчик наклонился пониже, чтобы разглядеть почти микроскопический заснеженный домик у подножья внушительного горного массива, и...

.....

И вдосталь наелся снега, потому что рухнул в сугроб! Ничего не понимая, Елизар вскочил, поскользнулся и снова очутился в снегу.

– Эй, что это вы делаете, молодой человек? Что с вами? – раздался вдруг рядом дребезжащий старческий голос.

Второй пилот кое-как выбрался из сугроба и увидел почтенную старушку в широченной длинной юбке, переднике и чепце. На носу у этой бабушки красовались круглые очки с толстыми стёклами.

– Я вас спрашиваю, юноша, снова заговорила бабуля, кутаясь в широкую шаль. – Что вы потеряли в этом сугробе? Вы что, заблудились?

– За-зблудился... – ответил Елизар, не слишком покривив душой.

– Я так и знала, – кивнула старушенция. – Зайдите в дом, я напою вас чаем, а вы расскажете мне, куда направлялись в такой поздний час, да ещё и в метель.

Метель на самом деле была преизрядная. Елизар понял, что мороз пробирает его до костей, а потому был рад последовать за неведомой бабушкой в тёплый дом, где его тут же усадили в кресло, укрыли пледом и дали в руки объёмистую кружку с дымящимся напитком.

Бабушка не стала расспрашивать его немедленно о том, откуда он взялся в сугробе перед её домом среди зимы, (он сам очень хотел бы это знать, так-как только что не было ни зимы, ни дома, а были джунгли, авиакатастрофа и странное убежище в виде гигантского золотого барабана), а принялась хлопотать, приговаривая, что как раз время ужина, и гость поспел весьма кстати.

Елизар понимал, что ничего не понимает. Где он? Что это за место? Ясно, что он больше не в джунглях и вообще, скорее всего, на другом материке, но где? И что ему рассказать этой бабуле? Правду? Он сам бы в такую правду ни за что не поверил, так чего же теперь ждать от старушенции? Надо было что-то придумывать, и придумывать быстро.

Он как раз выдумывал правдоподобную ложь о том, как отстал от компании, отправившейся на прогулку, когда в дверь маленького домика постучали.

– Надо же, ещё гости! – проговорила хозяйка и пошла открывать.

Она распахнула дверь и выглянула во двор, впуская в дом свежий холодный воздух и снежинки.

– М-ме-е! – раздалось снаружи.

– Вот те раз! Козочка! – воскликнула хозяйка, всплеснув руками. – Ты-то здесь, откуда, мемека? Ну, заходи, заходи, не оставлять же живую тварь на таком морозе.

Она посторонилась и в дом вошла... козочка? Елизар даже привстал от удивления. Появившееся в комнате существо было покрыто густой белой шерстью и стояло на четырёх ногах, а ещё, у него были аккуратные чёрные рожки. На этом сходство с «козочкой» заканчивалось. Видимо, старушка очень плохо видела сквозь свои толстые очки, раз приняла эту тварь за умное и мирное домашнее животное. Но Елизар никогда не жаловался на зрение и обладал неплохой природной наблюдательностью.

От него не ускользнуло ни отсутствие хвоста у мнимой «козочки», ни то, что она стоит не на четырёх копытцах, а на конечностях имеющих пальцы. Но самое главное, у неведомого животного была морда, в которой не было ничего козьего! Скорее, это можно было бы назвать лицом, сочетающим в себе обезьяньи и человеческие черты. Больше всё-таки было человеческого, так-как лицо было безволосым, цвета тёмной бронзы и даже красивым, по-своему. И с этого лица на Елизара смотрели странно знакомые золотые глаза.

– Ну, что ты встала, милая? – ласково проговорила старушка, обращаясь к этой новой гостье, которая изумлённо уставилась на Елизара. – А, ты мальчика этого боишься? Не бойся, он тебя не съест, это я тебе обещаю! Проходи к очагу, погрейся. Сухарик хочешь?

«Козочка» вежливо взяла из руки хозяйки сухарик и послушно прошла на указанное ей место, косясь при этом на Елизара. Хозяйка ошиблась, она вовсе не боялась лётчика, но была явно удивлена тем, что видит его здесь.

– Ну, вот и славно! – ворковала добрая женщина. – Сегодня у меня на удивление удачный день. А теперь самое время ужинать. Я вас оставлю на минутку, пойду, переоденусь и тогда приступим!

Она скрылась за дверью, ведущей, по-видимому, в спальню. «Козочка» проводила старушку взглядом, после чего повернулась к Елизару и улыбнулась.

– Привет! – сказала она. – Ты откуда здесь взялся?

Струйки холодного пота побежали по спине лётчика. Сейчас он ничего не понимал, но его отчаянно напугало именно то обстоятельство, что это существо ещё и разговаривает!

– К-кто ты? – спросил он дрогнувшим голосом, нащупывая под пледом кобуру с табельным оружием.

– Ты, что меня не узнал? – с удивлением спросила его странная собеседница, но тут же хлопнула себя ладонью по лбу. – Ах, да! Совсем забыла, я же в образе йети. Извини, тебе этого так сразу не понять, а сейчас нет времени рассказывать.

– Они? – севшим отчего-то голосом спросил Елизар.

– Ну, наконец-то! – рассмеялась девушка. – Да, это я. Немного странновато, правда? И, тем не менее, мне так даже нравится. Это тело намного сильнее человеческого, хотя ему далеко до... Но это неважно, обо мне потом. Расскажи, как ты-то здесь очутился? Я думала вы уже давно дошли до побережья, и вас подобрал какой-нибудь корабль.

– Когда бы мы успели дойти? – в свою очередь удивился лётчик, немного приходя в себя. – И суток ещё не прошло, а ураган не думает заканчиваться.

– Не прошло и суток? – воскликнула Они. – А я здесь уже месяца три или четыре! На самом деле точно не знаю, сколько прошло времени – не по чему было считать. Ясно! Дело в разном течении времени в разных мирах.

– В разных мирах?

– Ну, да. А ты не заметил, что находишься в другом мире? Что ж, прими это, как факт. Что было до того, как ты сюда попал?

– Я увидел, что одна из этих штуковин вылезает из пола и слегка светится. Стало интересно, и тогда я залез на неё сверху. Потом я понял, что это рельефная карта, наклонился, чтобы рассмотреть поближе, а в следующий миг провалился в сугроб перед этим домом.

– Ясно! Со мной случилось почти тоже самое. Только я упала в дырку, в которую опустился этот макет. Они, видишь ли, могут опускаться, подниматься и меняться местами. А ещё, их под полом гораздо больше, чем наверху. Я не знаю, что это такое на самом деле, кто это сделал и зачем оно нужно, но могу предположить, что это либо порталы в иные миры, либо миры искусственные. Второе больше похоже на правду. Они созданы в подражание настоящим, но здесь может быть то, чего нет в настоящих мирах. Но, несмотря на всю свою искусственность, здесь всё живое...

– А ты... почему такая? – спросил Елизар, который мало что понял из слов девушки, к тому же никак не мог привыкнуть к её внешнему виду.

Они открыла, было, рот, чтобы ответить, но тут дверь в спальню отворилась и в комнату вошла переодетая старушка. Оба собеседника так и замерли с открытыми ртами, поражённые её внешним видом.

Прежде всего, их потрясло то, что пожилая женщина была почти голой. Её наготу прикрывал только грубый кожаный фартук, какие носят кузнецы, но он закрывал её лишь спереди, оставляя открытым с боков и сзади старческое дряблое тело. Ноги старухи были босыми, корявыми и распухшими, с чудовищными жёлтыми ногтями непомерной длины. На голове у неё была надета низкая кожаная шапочка – таблетка, из-под которой торчали седые космы. Круглые очки с толстыми стёклами с носа исчезли, но не похоже было, чтобы их хозяйка испытывала неудобства из-за слабого зрения – глаза её смотрели пронзительно и остро. В руках старуха сжимала большой кухонный тесак для рубки мяса.

– А, я вижу, вы подружились! – воскликнула она прежним добреньким голоском, совершенно не подходившим к её нынешнему облику. – Это хорошо. Люблю, когда гости ладят между собой, и не люблю ссор. Когда еда ссорится друг с другом, то приобретает лишний привкус!

Она замолчала как бы в раздумии.

– С кого бы начать? – пробормотала чудовищная бабка себе под нос. – С одной стороны, больше всего люблю мясо юношей, а с другой – давно хотела попробовать на вкус йети, да вот никак не получалось поймать. Взрослые очень сильны, а малышня свою берегут пуще ока! Не подступишься. Кстати, детка – хорошая попытка притвориться козой, даже рожки приделала. Знала я, что йети существа умные, но не ожидала, что настолько!

– Это настоящие рожки! – ответила Они с вызовом и выпрямилась во весь рост.

– А, так ты разговаривать умеешь? – искренне удивилась старуха. – Что за диво такое я сегодня кушать буду!

– Послушайте! – вмешался в их разговор Елизар, выпутываясь из плета. – Давайте успокоимся, присядем и всё обсудим. Никто никого не будет кушать...

Старуха была явно не в себе и могла натворить беды, но тесак в её руке не слишком смущал крепкого спортивного парня, имевшего честно заработанный разряд по самбо.

– Ну, уж нет! – почти взвyla старуха. – Раз зашли на ужин, значит, будем ужинать! Решено – сегодня я позволю себе маленькое излишество – съем вас обоих. Расточительно, конечно, но очень уж хочется!

– Но... – начал Елизар, но не закончил, потому что на его глазах начало происходить нечто невероятное.

Старуха вдруг преобразилась. Дряблые рыхлые руки и ноги её внезапно налились тонусом и забугрились мускулами. Глаза полностью стали чёрными, без белков, а на месте зрачков появились красные светящиеся точки. Челюсти выдвинулись, а губы поджались, обнажая острые зубы с характерно выраженными клыками.

Бросок и взмах руки были так стремительны, что горло парня едва не оказалось, расположено лезвием тесака, но Они вовремя рванула его на себя, схватив за плечи! От следующего удара Елизар увернулся сам и оттеснил девушку в угол, поставив между ними и старухой обеденный стол.

Чудовище, которое уже язык не поворачивался назвать пожилой женщиной, тут же запрыгнуло на этот стол и замахнулось снова! Этот удар лётчик блокировал подвернувшимся под руку стулом, который тут же швырнул старухе под ноги, чем смёл её со стола.

От грохота неожиданно тяжёлого тела, казалось, подпрыгнул весь дом. Однако старуха немедленно вскочила живая и невредимая. Даже хищная улыбка не покинула её уста. Чудовище вновь подняло тесак и снова бросилось на зажатую в угол пару! И тут прогремел выстрел.

.....

Елизар помнил всё, что говорили ему, инструктируя по поводу применения оружия. Согласно общему своду действующих законов, правил и инструкций, выходило, что применять пистолет для защиты самолёта, пассажиров и себя лично, выйдет себе дороже в любом случае. Даже если условия складываются таким образом, что правда будет на его стороне, и все самые каверзные подзаконные акты соблюдены, применивший оружие даже против вооружённого противника, всё равно получает здоровенную кляксу на репутации и жирный крест на дальнейшей карьере.

По наивности будущий пилот тогда спросил, зачем вообще им выдаются пистолеты в полёт, раз закон при этом гораздо опаснее бандитов и террористов, которые хотят угнать самолёт? На это ему ответили, что если его что-то не устраивает в профессии лётчика, то дверь на выход всегда открыта, и он может водить автобус – там пистолеты не требуются. Выходило, что оружие им выдаётся с одной целью – если не применил, обвинить в бездействии и трусости, либо «загнать за можай», в своё удовольствие, если всё-таки выстрелил. (То, что в любимой стране любят загонять людей «за можай» по поводу и без повода, от Елизара не было секретом.)

Елизар тогда был весьма удручён тем, что услышал, ведь он до тех пор считал, что в таком серьёзном деле должно быть всё по-честному. Но его успокоил в приватном разговоре инструктор по стрельбе, который преподавал практическую часть предмета. (Юридическое свинство преподавал другой инструктор.)

– Скажи, как ты понимаешь предел необходимой самообороны, – спросил он тогда Елизара. – Когда этот предел, по-твоему, наступает?

Будущий лётчик только пожал плечами. Ни в одном законе такое не было прописано, хоть сколько-нибудь чётко и ясно, и получалось, что этот самый предел, о котором столько говорилось, будет определять судья по своему усмотрению. А что при этом померещится «левой задней» этого судьи, одному Богу известно. Практика показывала, что «левая задняя» любого

судьи истолковывала законы против человека, защищающего свою жизнь и жизни вверенных ему людей, так что...

– Так вот, запоминай, – назидательно говорил инструктор. – Предел необходимой самообороны для тебя наступит в том случае, когда за ним тебе будет уже всё равно, что с тобой случится, потому что, если не станешь обороняться, то тебя за этим пределом не будет. Иными словами, выбор твой прост – выстрелить или умереть, а все прочие неприятности и беды, которые потом свалятся на твою голову, суть мелочи, по сравнению со смертью, ведь самое главное, это то, что ты будешь жив.

.....

Теперь настал именно такой момент. Чудовище было чем-то иным, большим, чем просто съехавшей с катушек старухой. Оно было невероятно сильным и выносливым, а ещё, достаточно развитым, чтобы пользоваться оружием. Никакие приёмы самбо тут не помогут, так что лучше уж крест на карьере, чем крест на могилке. Глупо умирать, чтобы потом тебя ещё сожрали!

Все эти мысли промелькнули в голове Елизара за те полторы секунды, которые потребовались старухе, чтобы подняться на ноги. Тогда же было принято решение, что предел необходимой самообороны настал. В это же самое время руки лётчика уже взвели затвор пистолета!

По инструкции требовалось сперва выстрелить в воздух, но Елизар не стал – это не поможет оправдаться, а промедление будет стоить жизни. От первого выстрела всё тело старухи вздрогнуло, она остановилась и с удивлением уставилась на круглую дырочку в фартуке у неё на груди. Но это остановило чудовище лишь на миг. В ту же секунду оно заверещало и снова ринулось в атаку!

Грохнуло ещё раз, потом ещё два раза. Старуха покачнулась, выронила тесак и бесформенной грудой опустилась на пол.

– Ну, вот и всё, – проговорил Елизар, зубы которого отбивали от волнения мелкую дробь.

Но едва он опустил пистолет, как тело, пробитое четырьмя пулями, вновь взвилось вверх, и сильные руки обхватили лётчика! Елизара словно зажало в тиски. Какое там самбо! Он едва мог дышать, а зубы чудовища уже тянулись к его горлу... Единственное что удалось сделать, это выпустить в упор оставшиеся четыре пули, которые не произвели на старуху ровным счётом никакого впечатления.

Они налетела на чудовище сбоку и принялась молотить его кулаками! Девушка забыла всё, чему её учили когда-то в области рукопашного боя и отец, и дядя, а потому дралась, как дерутся девчонки всего мира – беспорядочно и бестолково, но яростно! К тому времени полузадушенный лётчик уже почти потерял сознание, а зубы монстра, готовы были впиться в его горло. И тогда Они, не зная, что предпринять, что есть силы, боднула старуху своими рожками!

Вопль демона резанул барабанные перепонки, грозя людям потерей слуха! Старуха кричала, задрав голову кверху, словно пыталась докричаться до других миров. Её руки упали по швам, выпустив Елизара, и тело лётчика оказалось на полу. Он тут же пришёл в себя и перезарядил пистолет, но стрелять уже не требовалось.

Фигура чудовищной хозяйки дома вдруг начала стремительно «худеть» и истоняться. Кожаный фартук внезапно стал ей велик и повис, как на вешалке. То же произошло с шапочкой-таблеткой, съехавшей набекрень. Её всю колотила крупная дрожь, и вдруг целые куски плоти стали отваливаться и падать на пол, рассыпаясь в прах! Тело начало исходить странным черноватым паром, и через пару мгновений осело грудой костей, прикрытой фартуком.

Юноша и девушка посмотрели друг на друга круглыми глазами. Елизар подцепил фартук стволом пистолета и отбросил его в сторону. Куча костей на глазах оседала, сами кости рассыпались и, как будто, испарялись, словно были сделаны из сухого льда. Вскоре от них ничего не осталось.

– Чем это ты её так? – спросил Елизар всё ещё чувствовавший боль от стальных объятий чудовища.

– Вот этим, – почти прошептала девушка и с некоторой опаской погладила свои рожки.

– Они у тебя что, особенные? – снова спросил лётчик.

– Наверное. А ты вообще часто видел у девушек **обыкновенные** рожки на голове?

Оба снова посмотрели друг на друга и вдруг начали смеяться! Смеялись они долго, мучительно, истерически. В конце концов, **Они** уже не могла удержаться на ногах от смеха, и Елизару пришлось поддерживать её, чтобы она не упала. Девушка оказалась у него в объятиях, и вдруг её смех прекратился.

С минуту оба смотрели глаза в глаза, после чего **Они** смущённо высвободилась из рук мужчины, и на всякий случай отошла немного в сторону. Елизар тоже смутился, наверное, первый раз в жизни. Он не забыл, что хотел сделать с этой девушкой, но теперь перед ним была самка йети, хотя он явно чувствовал под шерстью настоящее девичье тело.

– Я не знала, что мои рожки на такое способны, – заговорила девушка, стараясь, под предлогом продолжения разговора, скрыть охватившую её неловкость. – У моего деда были волшебные рога. У отца тоже рога есть, но я никогда не слышала, чтобы он ими пользовался, для чего бы то ни было. Может они ничего такого и не могут. А у меня вот, что получается...

Они вдруг замолчала, хлопая глазами. За несколько месяцев она успела забыть, какую игру вела с людьми, выжившими после авиакатастрофы. Теперь она явно сболтнула лишнее, да ещё тому самому парню, который с ней ёрничал и изводил мелкими издёвками, думая таким образом произвести впечатление. Но теперь всё было по-другому. Они попали в общую беду, вместе сражались и победили. Елизар даже смотрел на неё теперь как-то по-новому. Ах, да, она же теперь йети...

– **Они**, – проговорил Елизар несвойственным для него тоном, – ты должна мне многое рассказать, иначе я не знаю, что обо всём этом думать и что делать дальше.

– Я сама знаю не намного больше тебя, – пожалала плечами девушка. – То, что я говорю, по большей части догадки, но если ты хочешь что-то узнать – спрашивай, отвечу, как смогу.

– Прежде всего – что это было?

Елизар указал на фартук старухи, от которой совсем уже ничего не осталось.

– Существо допустимое в этом мире, – ответила **Они**. – Я уже говорила тебе, что миры эти, искусственные. Не знаю, кем и для чего они созданы, но это, скорее всего макеты реальных, а может и нереальных миров. Вот скажи – что ты слышал про снежных людей?

– То, что это выдумка, антинаучный факт, – проговорил Елизар и украдкой смерил **Они** взглядом.

– Здесь этот «антинаучный факт» проживает в горных пещерах и охотится на снежных баранов. Я жила у них достаточно времени, чтобы поверить в их реальность. Мне не встречались йети в других мирах, где доводилось побывать, и я не знаю, существуют ли они ещё где-нибудь, но здесь они существуют и чувствуют себя неплохо. Видимо, в этом мире, кроме йети есть и другие существа, которые у тебя дома считаются фантастическими или «антинаучными». Одно из таких существ – эта старуха. Не скажу наверняка, но видимо она оборотень. Какая-то местная разновидность.

– Местная разновидность? – недобро усмехнулся Елизар. – Ты это так говоришь, будто оборотни, это обычное дело. Да и вообще, – тот мир, этот мир! Послушал бы тебя наш препод научного коммунизма!..

– Чего научного?

– Коммунизма. А ты что ничего об этом не слышала?

– Слышала, – ответила **Они**, в голове, которой мелькнула догадка, основательно осложнившая ситуацию. – Что касается оборотней, то посмотри на меня и увидишь одну из разновидностей. И не надо делать такие глаза, сам мог бы догадаться. А насчёт разных миров, вспомни –

вы прилетели из одного мира, потерпели катастрофу в другом, а сейчас мы с тобой находимся в третьем. На самом деле их великое множество! Разных – обитаемых, необитаемых, материальных, абстрактных, каких угодно. И все они части великого сущего непостижимого разумом. Та теория, о которой ты упомянул, отрицает множественность миров, как отрицала её когда-то безумная инквизиция. Именно из-за узости своего мировоззрения, эта теория потерпела крах.

– Ну, не скажи! – возразил Елизар. – Самое большое и могучее государство на этой теории живёт...

– Елизар, какой, по-твоему, сейчас год? – спросила Они, сама отчего-то волнуясь.

– Что значит, какой? – подозрительно нахмурился лётчик. – Известно какой – тысяча девятьсот шестьдесят седьмой.

– Я так и знала, – вздохнула девушка.

– Что ты знала? – спросил Елизар подозрительно.

– Вы не просто прошли в другой мир, но и основательно сместились во времени.

– То есть?

– В мире людей, который знаю я, и откуда родом моя мама, сейчас совсем другое время. Я сама забыла, какой там сейчас год, ведь мы в том мире не живём, а только иногда приезжаем в гости, но там сейчас больше чем на полвека позже твоего времени. А того мира, который тебе знаком, считай больше нет, как нет и страны, в которой ты родился. Точнее, страна-то есть, но она совершенно другая и сейчас там мало, кому интересна теория научного коммунизма.

Последовала долгая пауза. Казалось, Елизар пытается уложить полученную информацию за упрямым лбом, но видимо он был занят иными размышлениями.

– Они, сказал он знакомым насмешливым тоном, – ты что, прикалываешься?

Девушка не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда до неё дошло, разочарование смешалось в её душе, со смехом, который вызывал в ней сейчас этот «Фома Неверующих».

– Да, – ответила Они, – прикалываюсь. Конечно, прикалываюсь! Это же весело – отраскать на себе шерсть, специально, чтобы тебя удивить. А что касается старушки, то это просто местная жительница. Остальное тебе, считай, померещилось! Ладно, герой, давай посмотрим, что нам оставила в наследство добрая хозяйка. Надеюсь, она питалась не только человечинкой?

Надежды Они оправдались. В буфете нашлись разные сладости, в кладовке соленья и варенья, (судя по этикеткам, все промышленного производства), на кухне молоко, мука и яйца. Не было только мяса, но это обстоятельство как-то совершенно не удручало.

Они тут же принялась стряпать, и вскоре с кухни потянуло божественным запахом горячих блинчиков. Елизар с мрачноватым видом накрыл на стол, проявив, между тем, в этом неплохое знание дела. Наконец, оба уселись за трапезу, к которой нашлась объёмистая бутылка эля.

– Ну, что же, за то, чтобы успешно выбраться отсюда! – провозгласила Они, поднимая свой стакан.

– Да, давай за это, – согласился лётчик. – Скорее бы отсюда выбраться. Кстати, ты знаешь, как это сделать?

– Понятия не имею! – беспечно улыбнулась Они. – Я здесь впервые, и только-только приступила к изучению этого мира.

– Но, как же тогда быть? – встревожился Елизар. – Мы что, можем застрять здесь навсегда?

– Можем, – ответила Они с набитым ртом. – Можем навсегда, можем надолго, а может быть, уже завтра найдём выход. То, что выход есть, это, несомненно. Тот, кто делал этот мир, врядли хотел создать безвыходную ловушку. Раз есть вход, то есть и выход, надо только догадаться, где он. Но меня сейчас беспокоит другое.

– Что именно?

– Ответственность. Старушку-то ведь мы убили, как ни крути! А вдруг, согласно местным законам, людоедство здесь в порядке вещей?

У Елизара кусок встал поперёк горла. Он живо представил себе их арест, расследование, суд и последствия, которые могут быть самыми разными, вплоть до самых тяжёлых. Вид у него при этом стал настолько озобоченно-сосредоточенным, что девушка снова рассмеялась. Пилот понял, что над ним шутят и обиделся.

– И ничего смешного нет, – проворчал он. – После того, что ты порассказала об этом мире, здесь это не кажется невозможным.

– Ах, вот как? Но ведь ты же ни во что такое не веришь, и думаешь, что я прикалываюсь! Так вот, теперь я действительно настроена поприкалываться, но ты не будешь знать, прикалываюсь я или нет. Это будет моя маленькая месть за недоверие!

Парень фыркнул. Такого, чтобы девушка была достаточно умна и бросила ему вызов, ещё не бывало! Его самолюбие оказалось задето, но, понятное дело, сдаваться он не собирался. Ладно, поглядим, чья возьмёт! Эта девчонка ещё будет умолять его о любви, и вот тогда увидим, кто будет смеяться последним!

Такие мысли привели его в лучшее расположение духа, а потому он спросил:

– Скажи мне лучше, зачем ты пыталась притвориться козой?

– Это первое, что пришло мне в голову, – ответила Она. – Кого люди скорее испугаются козу или йети? Мне очень хотелось в тепло, ведь, несмотря на шерсть, я так замёрзла! Я тогда подумала – пусть только позволят зайти в дом, а там я что-нибудь придумаю, как-нибудь договорюсь с хозяевами. А оно вон как вышло...

– А ты можешь это... Ну, превратиться обратно?

– Могу. Может быть не так легко, как могла раньше, но всё-таки могу. Я теперь знаю первооснову этого мира и могу её использовать также, как использовала межмировую плазму.

– И что же это за первооснова?

– Я называю её – летучее золото.

– Как это летучее? Газообразное, что ли?

– Скорее эфирное, распылённое до более тонкого состояния, чем газ. Это где-то посередине между газом и вакуумом.

– Ты что, опять прикалываешься?

– Ага, прикалываюсь! – рассмеялась Она и вдруг с неё начала исчезать шерсть. – И, честно говоря, мне немного надоело ради прикола ходить этаким обезьянкой. Йети очень милые, но я ведь всё-таки... Ой!

Девушка вдруг спохватилась, потому что с исчезновением шерсти осталась перед обомлевшим парнем совершенно голой. Она вскочила, опрокинув стул, и скрылась в старухиной спальне. Елизар некоторое время сидел, открыв рот, потом налил себе ещё эля и махнул целый стакан. Мысль пойти вслед за девушкой соблазнительно стукнула в затылок, но он не двинулся с места. За любой другой побежал бы похотливым козлом, и скорее всего, добился бы желаемого через минутку-другую. Он привык запросто ломать показное сопротивление на раз, но Она не была «любой другой». С ней такое не пройдёт, он это чувствовал. А вот, собственно, как быть с этой особенной девушкой, Елизар не знал совершенно. Ладно, подождём, посмотримся, а там видно будет! Отказываться от своих намерений он не собирался. Рано или поздно он найдёт к ней тропинку, и вот тогда...

Она появилась завернутая в чистую простынь, с шалью, накинутой на плечи, но босиком. Впрочем, в доме было тепло.

– Извини, – проговорила девушка смущённо, как будто вид её обнажённого тела мог чем-то оскорбить или обидеть её нечаянного спутника.

– Я ничего не видел! – шутя, воскликнул Елизар, притворно прикрыв глаза ладонями.

От этого Они ещё больше смутилась и сделалась цвета нагретой бронзы. Но Елизар не стал над ней подшучивать, а наоборот поднял её стул и усадил на него девушку, проявив неожиданную галантность.

– Извини за недоверие! – проговорил он с обезоруживающей улыбкой. – Понимаешь, не тому меня всю жизнь учили. Диалектический материализм и всё такое... Никаких чудес не бывает, а если и видел что-нибудь, то лучше молчи – целее будешь. Вот, например, когда мы еле тянули и думали, что вот-вот рухнем, появляется рядом с самолётом дракон. Не знаю, померещилось мне или нет, но он взял на себя часть нагрузки, и только так мы смогли дотянуть до джунглей, а там воткнулись в зелень, как в подушку. Все пассажиры это видели, но мы с Андрюхой условились, что будем молчать, а остальных убедим, что это было облако такое, на дракона похожее.

– Но почему вы решили так сделать?

– Просто потому, что не хотим оказаться в «дурке». Напиши мы такое в рапорте, и нам уже точно не летать. И это ещё в лучшем случае! А в худшем, признают недееспособными психами и запрут в психушку, добро, если не до конца дней.

– Значит, у вас там не признают правду и любят ложь?

Елизар несколько секунд подумал.

– Скорее всего, у нас поверят правдоподобной лжи, чем неправдоподобной правде, – изрёк он. – Но ведь так везде происходит!

– Только не у меня дома, – пожала плечами Она. – У нас ложь не в чести, даже если в неё легче верится. Ведь тот, кто поступает подобным образом, глуп. Он ослабляет сам себя и сам себе вредит, потакая лжи.

– Что же это за дом такой, где ты живёшь? – усмехнулся Елизар. – Такое только в сказке бывает!

– Если расскажу, ты не поверишь, – покачала головой Она.

– А ты попробуй, – ухватился за эту мысль её собеседник. – Обещаю прилагать все усилия, чтобы верить, даже если услышу самое невероятное.

– Хорошо, – кивнула Она. – В таком случае, прими тот факт, что самое невероятное бывает не только в сказке!

Глава 19.

Трудно быть богом! Совсем недавно Андрей прочёл книгу с таким названием. Не всё в ней понял, но понравилось. Правда, пытаясь поставить себя на место главного героя, он понимал, что с самого начала не был бы таким гуманным и мягким с дураками и злодеями изображённого в книге мира. Что это ещё за блажь – быть первым бретёром королевства, и заработать себе репутацию бойца, который не убивает даже самых отъявленных негодяев желающих его смерти? Такое не уважают ни на стороне зла, ни на стороне добра в любые времена и эпохи. Ко всему прочему, недобитое зло сродни недолеченной болезни – оно возродится, вернётся и ударит с новой силой, яростью и жестокостью. При этом кровь и слёзы всех невинных жертв, погибших от рук воспрявшего зла, будут на совести того, кто пощадил полураздавленную гадину и не стал её добивать.

Андрей не был ни жесток, ни кровожаден, но он не страдал подобной мягкотелостью. Возможно, поэтому, когда автомат противника перестал стучать, а пули плющиться над головой лётчика, вдруг переставшего быть «богом», он, никогда и никого не убивавший, резко привстал и дважды выстрелил из пистолета, целясь в узкий промежуток между кусками разбитой кирпичной стены. Туда, где мелькали яростные глаза человека, в легко узнаваемой рогатой каске.

Вскрик, звук падения и тишина. Больше выстрелов не было. Конечно, враг мог затаиться, чтобы подманить Андрея поближе и расстрелять в упор, но лётчик был уверен, что попал. Он стрелял хорошо, лучше всех коллег, легко сдал на разряд с первого захода ещё в училище. Видимо сказалось наследие отца отвоевавшего в разведротке снайпером. Даже табельный «ПМ», оружие крайне неметкое, хоть и надёжное, посылал пули именно туда, куда требовалось, когда был в его руках. Но теперь надо было увидеть воочию дело рук своих.

Убить человека непросто, даже если это фашист. Многим в первый раз становится дурно, невзирая на то, насколько, ставший убийцей, крепок душой и телом. Андрей подходил к поверженному врагу с громко бьющимся сердцем. Он знал что увидит.

У мертвеца, опрокинувшегося при падении навзничь, не было правого глаза. Вместо него зияла кроваво-чёрная дыра, отвратительнейшего вида. Каска на его голове отсутствовала. Она валялась неподалёку, а внутри, словно кусок мяса в миске, лежала половина затылка убитого, вместе с ошмётками мозга.

Андрея не вывернуло, как он того ожидал. Вместо этого его охватило странное чувство жалости к неизвестному человеку, которого он вынужден был лишить жизни! Лётчик напрасно старался убедить себя, что это фашист, что он тоже стрелял в него, в Андрея, а шансов победить в этой перестрелке у него было несравнимо больше, хотя бы из-за преимущества в оружии.

Кроме всего прочего, война, потрясая своими ужасами мир, закончилась более двадцати лет тому назад. Но здесь, в этом мирке она продолжалась, как продолжалась война между римлянами и наёмным войском какого-то восточного владыки, в том мире, который Андрей видел недавно. Но, в отличие от всех предыдущих, в этот мир, где в развалинах города засели гитлеровские солдаты, исполняющий обязанности здешнего бога лётчик ухитрился попасть лично.

Как? Просто шагнул со своего круга, на котором стоял, и очутился здесь. Сделал это ради опыта, а отчасти, потому что согласно мальчишеской своей природе давно хотел оказаться на войне, осознавая лишь её героическую сторону. Вот и оказался...

Здесь было очень холодно. Ещё бы – зима! Его летняя форма, ставшая жутко мятой после просушки, не грела совершенно. (Одежда, которую дала ему Они, таинственным образом исчезла, сразу после того, как он её снял.)

Андрей думал, что если он не найдёт в ближайшие минут десять-пятнадцать убежище или что-то тёплое, вроде тулупа, то ему придёт неизбежный мучительный конец от переохлаждения. Но где взять тёплую одежду в развалинах? С убежищем тоже было непросто. Дома кругом стояли разрушенные практически до фундамента. От мороза прятаться было нигде.

Но первый пилот сразу забыл о холоде, когда вдруг загрохотали выстрелы, и со всех сторон засвистели пули от автоматных очередей. На его счастье враг оказался в развалинах только один. Его товарищи воевали где-то неподалёку, он же отлучился сюда по какому-то делу и вот наткнулся на Андрея, почему-то сразу сообразив, что перед ним противник.

Их перестрелка длилась, как показалось пилоту, несколько часов, на деле же прошло совсем мало времени. Андрей, как мог, экономил патроны, ведь у него их было всего лишь две обоймы. Немец, видимо, был опытным бойцом и до последнего момента не высовывался из укрытия, хоть и имел явное преимущество. Но Андрей всё же смог его подловить.

Теперь он стоял над трупом и смотрел на то, что осталось от лица его врага. Это было молодое лицо. Перед ним лежал и безжизненно смотрел в небо единственным уцелевшим глазом, ровесник. Андрей не мог отделаться от чувства жалости. Фашист, не фашист...

Из всех солдат, которых пригнал сюда бесноватый фюрер, наверное, лишь десятая часть являлась убеждёнными фашистами. Остальные шли по общему призыву. Кто-то верил в басню о скорой победе рейха, кто-то делал вид, что верит. Но скорее всего, если бы у них был выбор, большинство осталось бы дома. Праздновали бы сейчас Рождество у жаркого камина в кругу семьи, но нет – извольте пожаловать в русские сугробы, чтобы оставить здесь свои кости!

В наследство Андрею достался автомат, (парень разбирался в оружии и знал, что это ни какой не «шмайсер», как его называют все кто не в теме, а автомат Фольмера, знаменитый «МП», удобная высокотехническая машина), полтора рожка патронов, (не густо!), и плащ-скатка. Снимать с трупа шинель лётчик даже не подумал.

Разворачивая грубую ткань, Андрей вздрогнул – эта вещь была советского производства. Значит, немец взял её где-то в качестве трофея. Может быть среди барахла в брошенном обозе, а может быть вот так – с тела павшего русского солдата. Андрей ещё раз взглянул в лицо немца. Чувство жалости к убитому сверстнику куда-то исчезло.

«Это война, – подумал лётчик. – Он враг, пришёл сюда, чтобы убивать, и получил своё!»

И тогда он отвернулся от трупа, закутался в добытый плащ, взял автомат и зашагал среди развалин, размышляя, что Они здесь, конечно же, нет и надо возвращаться, чтобы попробовать найти её в другом мире. Пробовать и пробовать, ещё много раз.

Глава 20.

Массаж помог, и женщина, у которой были судороги, успокоилась. Господин Сай устало распрямился и, перекинувшись парой слов с другими пассажирами, направился к ближайшим воротам. Завывания урагана снаружи не прекращались, но, вроде бы стали тише, а потому он хотел выглянуть наружу, чтобы узнать как там дела.

Слава богам, потерпевшие были в убежище за прочными стенами и несокрушимой крышей. Правда, это помещение, совершенно не предназначенное для жилья, не имело удобств. Раздобыть воды и пищи здесь тоже не представлялось возможным, а потому, надо было выбирать отсюда, сразу, как только буря прекратится. Выбираться и шагать дальше к побережью, надеясь, что в пути не случится с ними чего-нибудь похуже этого урагана.

Как назло, пропали оба пилота. Сай содрогнулся! Молодые люди отправились искать *они*, которая ушла вглубь здания, обидевшись на них обоих. Возможно, сейчас демоническая девушка закусывает где-нибудь неподалёку телами несостоявшихся любовников и похрустывает их косточками. В том, что бурю, (вольно или невольно), вызвала именно она, господин Сай уже совсем не сомневался. А вот в гибели молодых людей он винил себя.

Надо было отговорить их от поисков *они*! И так пришла бы, если бы захотела. Может быть, даже успокоилась бы, и передумала кого-то убивать. Приставать к демонице, которая и без того обижена, это верх неосмотрительности. И вот теперь оба пилота, скорее всего, погибли, а *они*, раздражённая некорректным к себе обращением и вкусом крови, скоро вернётся и примется за пассажиров. Теперь она не успокоится, пока не съест всех, но может быть, если ураган пойдёт на спад, кому-то удастся спастись, хоть и вряд ли...

О себе господин Сай не думал. Он погибнет в любом случае – путешествие через джунгли без проводника, не для его возраста испытание, а если останется, то будет тем более убит. Но, может быть, ему удастся помочь кому-то уйти? Это будет значить, что он не зря прожил свою жизнь, и внуки могут им гордиться. Именно в этом видел он сейчас свой долг потомственного самурая, не знавшего битв, но понимающего верность и служение, как главные доблести.

Господин Сай подошёл к ближайшим воротам и попробовал отодвинуть засов, похожий на строительный брус. Но тяжёлый кусок металла даже не пошевелился. Видимо, он попросту «прикипел» к пазам, в которых должен был скользить, за годы или даже века бездействия. Тогда Сай направился к тем воротам, через которые они попали внутрь здания. Здесь засов приводился в движение недавно, и должен был податься с лёгкостью. Но к разочарованию японца, этот кусок металла остался, также неподвижен, как и его «прикипевший» собрат.

Господин Сай почесал в затылке. Ну, да, намерен этот засов двигали два дюжих молодца, и не ему, старику с ними силушкой тягаться. Но теперь этих молодцов здесь нет. Правда, среди пассажиров почти половина состояла из мужчин, а значит, пусть несколько человек, но сдвинуть этот засов смогут. Однако Сай не хотел сейчас обращаться за помощью к пассажирам. Если бы он это сделал, пришлось бы придумывать какие-то объяснения, для чего это ему понадобилось высовываться наружу, когда буря ещё завывает за стенами. Лгать он не любил, а сообщать людям свои соображения по поводу *они*, и, тем более рассказывать о том, куда делись пилоты, не хотел.

Тогда он решил попытать счастья с оставшимися воротами этого странного дома. Авось, какой-нибудь из засовов подается, и тогда он сможет оценить степень ярости бури. Итак, два он уже проверил, оставалось ещё десять.

Господин Сай не торопился. Он сперва тщательно осматривал каждый засов, а затем уже пробовал его сдвинуть. В результате его исследования затянулись, и он порядком устал, не пройдя ещё и половины намеченного пути.

Решив дать себе небольшую передышку, старик огляделся в поисках места, куда бы присесть, но это нелегко было сделать среди однообразных сооружений, вознесённых на высокие фундаменты-постаменты. И тут господин Сай заметил, что один из этих фундаментов был основательно ниже остальных, и край его как раз подходит для того чтобы присесть. Недолго думая, старик воспользовался этой возможностью и с облегчением опустился на тёплый камень. Он успел сделать только один вдох, когда опора под ним вдруг провалилась, а ноги, стоявшие на полу, словно получили сильный толчок снизу вверх!

В молодости господин Сай был неплохим спортсменом. Он и сейчас ещё старался не пропускать ежедневных разминок, хотя серьёзные занятия остались в далёком прошлом. Но поддерживаемый тонус сейчас помог ему не плюхнуться мешком, сгруппироваться и сделать вполне приличный кувырок через голову назад, который должен был частично погасить энергию ожидаемого удара о твёрдую поверхность. Однако вместо этого Сай ощутил пустоту и услышал свист рассекаемого воздуха. Значит, то, на чём он сидел, пропало совсем, и сейчас он летит кувырком, а приземление вряд ли будет мягким.

Старик похолодел от ужаса! Пресловутый дух бусидо предписывал ему спокойно встретить смерть, но это не значило, что он должен радоваться тому, что свернёт себе шею в тёмном колодце. (По крайней мере, так ему представилось место, куда он падает.)

Внезапный свет, ударивший в глаза и буря звуков, хлынувшая в уши, заставили его пропустить момент, когда вдруг всё изменилось. Оглушённый и ослепший, господин Сай вдруг понял, что он больше не падает, а лежит на чём-то, похожем на кучу веток с листьями, а аромат свежей зелени подсказал, что так оно и было. Постепенно глаза привыкли, и свет перестал казаться слишком ярким. Старик разлепил веки и сначала увидел всё в размытом виде. Но это объяснялось всего лишь тем, что во время полёта и приземления с него слетели очки. Они нашлись под подбородком, и после того, как были помещены на место, Сай увидел густое переплетение зелёных веток, сквозь которые тут и там просвечивало ярко-синее небо.

– Ой, мяу! Дядеська, а ты кто?

В поле зрения лежавшего на спине человека появилась смешная мордашка девочки лет пяти-семи от роду. Господин Сай не сразу сообразил, что именно не так во внешности этой девчушки. Вроде всё было на месте – пухлые розовые щёчки, до смешного маленький ротик, курносый носик-пуговка, удивительно огромные зелёные глаза, кудрявые рыжие волосы, похожие на копнушку сена. А сверху этих волос... Остроконечные кошачьи ушки, покрытые короткой рыжей шёрсткой!

Отчего-то старик сразу понял, что ушки эти живые. Они на самом деле свободно поворачивались на звуки, раздающиеся то тут, то там, в то время, как их хозяйка с интересом разглядывала лежащего в сплетении веток человека.

Господин Сай сел так резко, что девочка отпрянула. Теперь он видел её всю. Малютка была одета в лёгкий сарафанчик, оставляющий обнажёнными худенькие детские плечи, руки и ноги. Обувки на ней не было, и Сай хорошо видел миниатюрные ступни с коротенькими круглыми пальчиками, больше похожими на шарики и чуть более крупными, чем обычно бывают у людей. И не удивительно, потому что вместо ногтей на их кончиках были розовые, но даже на вид острые коготки. Старик перевёл взгляд на руки ребёнка, которые оказались вполне человеческой формы. Но и здесь подушечки на пальцах были увеличены и вместо ногтей снабжены когтями, по-видимому, втяжными.

– Где я? – спросил Сай у девочки, и сам удивился своему хриплому чужому голосу.

– На делеве, – ответила кроха, несколько испуганно. Видимо её напугал голос незнакомца.

Сай оглянулся вокруг и понял, что она говорит правду – они действительно были на дереве. Всюду, куда ни глянь, были только ветки, а за спиной девочки, шагах в двадцати (!)

угадывался ствол такой толщины, что из него целиком можно было вырезать дом-башню, какие бывают в крупных городах.

– Как я сюда попал? – продолжал Сай свои расспросы, стараясь смягчить голос, чтобы не пугать маленькую собеседницу.

– Ты упал с неба! – пояснила девочка. – Дядеська, а ты сто, птиська?

Этот вопрос насмешил старика, и он улыбнулся, несмотря на осознание нелепости своего положения.

– Нет, я не птичка! – ответил он. – А что это за дерево? Ты здесь живёшь? И как твоё имя?

– Меня зовут Мики, – обстоятельно ответила малышка. – Да, я здесь живу с мамой, сестрёнками и батиками. Это насе де,ево, оно осень большое и к,асивое. А как тебя зовут, дядеська? И ,аз ты не птиська, то кто ты тогда, если падаєсь с неба? А отсего у тебя такие смесные уски?

– Почему я упал с неба, этого я сам не знаю, – признался старик. – Ты можешь называть меня – «господин Сай» или «дядюшка Сай», как хочешь. Очень жаль, что я не птичка, а самый обычный человек...

– Селовек?!!

На лице девочки отразился такой ужас, какой мог быть у ребёнка, столкнувшегося с самым своим сильным страхом! Бедняжка жалобно пискнула, и вдруг метнулась в гущу листвы, как будто спасалась от смертельной опасности. Перед глазами Сая мелькнул пушистый рыжий хвостик, которого он раньше не заметил, и всё стихло.

Тишина, разлившаяся вокруг, была странной. Мир только что наполненный звуками, словно замер. Смолкли не только птицы, но даже листья перестали шелестеть. Сай поднялся на ноги. Это было не так сложно, но когда он увидел на чём он лежал, то ему сделалось дурно. Оказывается, его, словно рукой, поймала длинная толстая ветка, отходящая от ствола под прямым углом. Но сейчас он находился на самом её кончике, где было разветвление, а потому опора под ним была несравнимо тоньше. Старик поспешил перебраться на более прочное основание, испытывая сильное желание опуститься на четвереньки.

Ближе к стволу ветка была шире, так что по ней можно было ходить без опаски, и он направился туда. Вдруг что-то большое, рыже-белое упало сверху, приземлилось на ветку прямо перед ним и грозно зашипело, выставив перед собой руки с длинными перламутровыми когтями.

– Стой, человек! – закричало это существо красивым, но гневным женским голосом. – Ни шагу дальше! Ты не получишь моих котят, даже если это для меня последняя битва!

Глава 21.

Он был близко, совсем близко, желанный и долгожданный мужчина. Её мужчина!

Они прижалась к жёсткому мускулистому щетинистому телу, обняла его руками и ногами, с наслаждением вдохнула резковатый мускусный запах, почему-то слегка отдающий мочалкой и пылью. Ожидая поцелуя, девушка потянулась к губам своего возлюбленного своими жадными, налившимися желанием губами и... встретила грубоватую ворсистую ткань.

От неожиданности Они слегка отпрянула и вдруг замерла от ужаса! Мужчина, которого она обнимала, был... тряпочным! Манекен, сшитый из обивочной ткани, грубая кукла в человеческий рост, набитая мочалкой и ветошью...

Перепуганная девушка вскрикнула и... проснулась!

– Ты чего? – сонно спросил Елизар из своего угла, где устроил себе ложе из всех нашедшихся в доме стульев. – Они, с тобой всё в порядке?

– Н-ничего, всё нормально, – отозвалась девушка слегка дрожащим голосом. – Просто сон плохой приснился!

Она лежала на длинном узком диване, обняв подушку-валик, которую подсовывают под спину. Вот оказывается, чем был мужчина из её сна! После ужина они решили заночевать здесь же в гостиной. Никто не соблазнился старухиной постелью и даже самой спальней, в которой нашла в шкафу коллекция тщательно обглоданных черепов. Елизар галантно уступил девушке диван, посетовав на то, что он слишком узкий. Они приготовилась к тому, что сейчас последуют ещё намёки на возможность близости между ними, но этого не случилось. Парень соорудил себе спальное место из стульев и вскоре по-богатырски захрапел, отвернувшись к стенке. Они немного повертелась, устраиваясь, потом обняла подушку и невольно задумалась о прозрачном намёке Елизара по поводу узости дивана.

Девушка отдавала себе отчёт, в том, что она сейчас ночует под одной крышей с представителем противоположного пола, примерно одного с ней возраста. (Может на три-четыре года старше.) Но, во-первых, несмотря на всё своё ёрничество во время их первого знакомства, сегодня Елизар ни разу не позволил себе грубого слова или жеста в её сторону. Во-вторых, она не кисейная барышня и сможет постоять за себя. В крайнем случае, её рожки были при ней, и недавно они показали, на что способны. Но это уже совсем, в крайнем случае! Ну, и, в-третьих – у неё просто не было выбора. Не ночевать же на улице?

Правда, Они могла бы запереться в спальне, выкинув оттуда черепа, но это было бы глупо – дверь в спальню была обычной межкомнатной, практически декоративной дверью. Такую крепкий рослый парень вышибет с одного удара, так что смысла нет прятаться.

Было, конечно, и кое-что, в-четвёртых. Они не имела ещё дела с мужчинами, но она и не была недотрогой. Девушка осознавала, что рано или поздно в её жизни появится кто-нибудь – жених, возлюбленный, муж, любовник. Это могло произойти очень скоро, а могло весьма нескоро. Могло случиться один раз и на всю жизнь, как об этом рассказывают любовные идеалисты, а могло повториться с разными людьми, как это бывает нередко, ведь шутки и ошибки судьбы непредсказуемы. Семья Они была тому ярким примером, а её происхождение и подавно. И не надо делать из очевидного трагедию! Главное, это счастливый финал, а метаморфозы жизни неизбежны.

Несмотря на всю свою наянистость в прошлом, Елизар был ей симпатичен. Андрей, наверно подходил больше, но его нерешительность убивала всё, что могло быть хорошего между ними. Но Андрей сейчас был далеко, а Елизар вот он, рядом.

Они едва не рассмеялась, засыпая. О чём она думает? Конечно, она не собирается заводить никаких отношений с этим парнем, которого узнала сегодня с лучшей его стороны. Она

не будет ни поощрять его, ни дразнить, ни провоцировать, а если он имеет на неё какие-то виды, то это его проблемы!

С такими мыслями девушка погрузилась в сон, и тогда ей приснилось то, о чём говорилось выше. Теперь Они с отвращением оттолкнула подушку и свернулась калачиком, думая, что больше не уснёт. Но она ошибалась. Уже через минуту её мысли унеслись куда-то ввысь, она увидела себя в драконьем облики, летящей в облаках, и с наслаждением отдалась знакомому волшебному чувству полёта!

В то время как Они задышала спокойно и ровно, всё больше погружаясь в сон, Елизар, разбуженный её криком, с неудовольствием почувствовал, что сон покинул его, а на смену пришло беспричинное нелепое волнение. Сердце заколотилось с ненормальной частотой. Вдруг стало жарко, потом почему-то холодно, потом снова жарко. Он глупо пожалел, что не курит – был бы повод встать и выйти на улицу. Впрочем, выйти можно, чтобы подышать свежим воздухом, а то здесь малость душновато.

Парень сел на своём ложе, нашупал в темноте ботинки и носки, натянул их, встал и направился к выходу. По дороге приостановился возле спящей Они. Его вдруг охватила досада. Всё из-за неё! Даже спать теперь из-за неё не получается.

Их разговор сегодня затянулся далеко за полночь. Они рассказала о себе, о своей семье и об особенностях их жизни и отношений. Рассказала откровенно и с подробностями. Елизар слушал и удивлялся тому, что верит этой истории, похожей толи на сказку, толи на фантастический роман. Почему он верил ей, лётчик не знал, но он чувствовал, что девушка ничего не выдумывает.

Оказывается, его новая знакомая, не только необычное существо, но и со всех сторон девица благородного происхождения. По материнской линии она была потомком дворянского рода Соболевых, происходивших в свою очередь от испанских князей Самбульо, некогда пиратов и авантюристов, а впоследствии придворных и учёных алхимиков. Но это были ещё цветочки! По мужской линии Они являлась внучкой некоего графа по имени Рогелло Бодакула. При этом граф этот был не человеком, а каким-то антропоморфным существом, прямоходящим козлом, которого легко было спутать с чёртом. Но к нечистой силе он не имел никакого отношения, а просто был жителем другого мира, населённого разумными прямоходящими козами.

Отец Они – Барбарус Бодакула, был сыном этого графа и человеческой женщины по имени Клодина. (Оказывается, такое было возможно!) Общий ребёнок человека и козла имел козлиные рога, ноги с копытами и золотые глаза с щелевидными горизонтальными зрачками. Всё остальное у него было человеческим. Поскольку мама Они тоже была человеческой женщиной, девушка унаследовала от своего родителя только небольшие рожки и золотой цвет глаз, но без щелевидных зрачков. Красивая бронзовая кожа, не нуждавшаяся в загаре, тоже была отцовским наследием, но такое бывает и у обычных людей, имеющих в роду предков из Азии или Африки.

Они росла в семье своей мамы и папой называла её мужа, который, по сути, был её отчимом, в то время как Барбарус Бодакула имел собственную семью, состоящую из него, двух (!) его жён и целой кучи детей. При этом взаимная связь между двумя этими семьями не прекращалась, и в обеих росло ещё много детей Барбаруса Бодакулы и Драгиса Драговски – отчима Они.

Елизар слышал о таких семьях, но это всегда преподносилось, как некое извращение, постыдное и присущее «загнивающему буржуазному обществу». Между тем, парень не видел ничего извращённого там, где люди счастливы, дети здоровы и любимы, и никто никого не бьёт, а тем более не убивает за то, что человеку продиктовано его собственной природой. Можно подумать, что общество, в котором супруги тайком друг от друга бегают к соседям и соседкам, а потом устраивают друг другу сцены с мордобоем, битьём посуды, а случается и с убийствами,

на самом деле более здорово, чем то, где не осуждается и не преследуется очевидное! Может быть, кто-то скажет, что этого не должно быть, и все обязаны быть верными и честными друг перед другом, но пускай этот доброхот заодно объяснит, как это сделать и почему человечество за всё время своего существования не построило общества, в котором все эти требования неукоснительно выполнялись бы?

Но такие соображения Елизар благоразумно держал при себе. За слишком длинный язык, могли выкинуть из комсомола, а это конец карьеры лётчика и не только лётчика. С другой стороны он совершенно не уважал женщин, у которых пользовался неизменным успехом. Но это отдельный разговор, тем более что его неуважение только что дало трещину.

Чудеса семейства Они на вышеизложенном не кончались. Её папа, (отчим), которого она очень любила, по своей природе был... драконом, а человеком стал после того, как влюбился в её маму. Похоже, мама Они вообще была единственным чистокровным человеком в обоих семействах, потому что жёны Барбаруса Бодакулы были ему под стать – первая, воплощённый дух книжных хранилищ по имени Фоллиана, а вторая, дриада, младшее лесное божество, которую так и звали – Берёзка. А ещё у неё был любимый дядя, брат отчима, по имени Огнеплот или просто Огги, тоже дракон по происхождению. Всё семейство Драгиса Драговски и принцессы Анджелики, (так звали маму Они), включая детей, рождённых от Барбаруса Бодакулы, умело превращаться в драконов. Семья самого Барбаруса этим свойством не обладала, зато они могли жить внутри деревьев и умели много чего другого.

– Слушай, а тот дракон, которого мы видели? – вдруг вспомнил лётчик во время их вечернего разговора. – Он тебе случайно не родственник?

– Это была я! – рассмеялась Они. – Вы свалились тогда мне на шею, чуть не в буквальном смысле слова, и испортили прогулку по джунглям. Но нельзя же было дать вам погибнуть!

– Почему нельзя? – несколько невольно спросил ошарашенный пилот.

– Жалко! – просто ответила Они, пожав плечами.

И вот теперь он стоял и смотрел на спящую девушку, испытывая смешанные чувства. С одной стороны, если бы не она, он не попал бы сейчас в эту передрагу, из которой ещё неизвестно удастся ли выпутаться. С другой стороны, не появившись тогда Они в виде дракона и не поддержи она терпящий бедствие самолёт, лежали бы они сейчас на дне океана и кормили бы собою рыб. Выходит, он обязан ей жизнью! Дважды обязан, потому что сегодня его сожрала бы старуха-оборотень, которую не берут пули. Запросто бы сожрала, если бы не Они...

То, что девушка рассказала о себе, потрясло. В стране развитого социализма, где вырос Елизар, происхождение ни во что не ставилось. На словах не ставилось, на деле же всё было как раз наоборот. Общество выдвинуло свою элиту, взамен той, которую так бездумно и бессовестно уничтожило. Идеологи марксизма сколько угодно могли превозносить рабочий класс, но Елизар хотел бы посмотреть на того генерала, директора или партийного деятеля, хотя бы среднего ранга, который с радостью выдал бы свою дочь замуж за выпускника «ПТУ» на том основании, что тот «рабочий парень». Такое бывало только в фильмах, как правило наполненных самым беспардонным враньём, хорошей музыкой и кукольной игрой актёров.

Сам он не мог похвастать «голубой кровью» в родословной, но отец Елизара был сыном священника, и семья его хорошо знала цену происхождения, что бы об этом ни говорили товарищи ответственные за идейное воспитание населения. Это было как с верой в Бога. Почти все бабули, которых он знал с детства, ходили в церковь, а дома держали иконы и молитвенники. И почти все они были когда-то комсомолками, а кое-кто состоял в партии. Но это совсем уже старушки. Поколение его родителей чудило по-своему – открыто заявляли о своём атеизме, а детей старались тайно окрестить, на тот случай, если Бог всё-таки есть.

Но это всё, в том числе и чудеса в родословной, и особенности семейства девушки, на самом деле мало интересовали Елизара сейчас. Прежде всего, интересна была она сама!

Ему непонятно было, что он чувствует, глядя на спящую **Они**. С любой другой было бы просто. Взять за плечи, перевернуть на спину, впиться в губы поцелуем. Может быть, сначала было бы сопротивление, может даже он получил бы по морде, но это лишь вначале. Потом девочки непременно сдаются и начинают сами липнуть так, что не отклеишь! В таком состоянии раздвинуть девке ноги, дело техники. И никакого насилия – руки-то у неё свободны, хочешь – отбивайся! Насильника бы он сам прибил, здесь же всё добровольно и по согласию. Но проделывать такое с **Они**?..

Девушка пошевелилась во сне, и шаль, которую она использовала в качестве одеяла, сползла с её плеча. Это было уже слишком! Елизар шагнул вперёд, но вместо того чтобы сделать то, о чём только что думал, осторожно поправил сбегавшую шаль, потом быстро повернулся и вышел в морозную ночь, не подозревая ещё, что сегодня он стал другим человеком.

Глава 22.

Андрей левой рукой обнял девушку за плечи и притянул к себе. Красавица прижалась к нему обнажённой грудью и предано взглянула снизу вверх, почему-то напомнив маленького щенка. Другая рука юноши обнимала девушку прильнувшую справа и машинально гладила её по груди, поигрывая сосками. Ему показалось, что он услышал справа мурлыканье? Неудивительно, если это действительно так – девушка справа напоминала кошечку с умильно-хитреньким выражением мордочки.

Ещё две девушки сидели у его ног, то, касаясь, губками коленей, то щекотали и нежно гладили розовыми пальчиками икры, ступни и голени. Ещё две красотки стояли с опахалами и время от времени взмахивали ими, чтобы уменьшить зной, но не досаждают излишне резкими колебаниями воздуха.

Ещё две, обнажённые, как и все остальные, стояли по обеим сторонам трона с мечами, напоминавшими серпы, и внимательно оглядывали толпу придворных и гостей. Позади них расположились ещё четыре девушки, нагие и прекрасные, с луками в руках, но Андрей их сейчас не видел.

Когда год назад главный архитектор спросил его, какие украшения повелитель предпочитает для тронного зала и прочих покоев дворца, он ответил, что нет ничего лучше женской красоты, и чем она живее, тем прекраснее, а потому он не хочет видеть ни золотых, ни серебряных завитушек, но желает постоянно находиться среди юных девушек, чтобы наслаждаться их совершенством.

Это мудрое изречение было немедленно записано и подхвачено всеми влиятельными людьми государства. Женскую красоту тут же объявили национальным достоянием, и принялись её искать и собирать. В результате новенький царский дворец был отделан с изяществом, но очень скромно, зато вскоре наполнился красавицами всех видов и мастей. Красивая дорогая одежда и украшения были также отринуты, зато девушки открыто демонстрировали величие своих обнажённых тел, и это теперь считалось одной из высших добродетелей.

Вслед за прелестницами, украшавшими царский дворец, за свою красоту взялись придворные дамы, а за ними вся знать и богачи государства. Те из них, кто был молод и красив от природы, пользовались всеобщим успехом и преклонением. Все остальные по мере сил и возможностей из кожи вон лезли ради омоложения и совершенствования лица и тела, применяя самые немыслимые средства, вплоть до магии и алхимии.

Между тем, одежда с женщин начала исчезать, свелась к минимуму и даже стала считаться неприличной. Бедняжки готовы были терпеть холод и солнечные ожоги, лишь бы соответствовать требованиям красоты и приличия принятым в обществе.

Андрей уже жалел о том, что сказал тогда архитектору, он пошутил, а вышло всё, ой, как серьёзно! Ведь вслед за эстетическими изменениями пошли более глубокие, этические и даже политические.

Чему служит женская красота? Любви, конечно! Любовь немедленно была возведена в абсолют, обожествлена и канонизирована. Богиня любви местного полузабытого пантеона была признана верховным божеством, потеснив всех остальных со всеми их трезубцами и молниями. Появилось множество новых храмов, посвящённых различным видам любви, её подвижникам, проповедникам и великомученикам, которыми чаще всего являлись застигнутые мужьями любовники. Возникли новые учения, толкования и даже научные дисциплины, посвящённые любви, а так-как это требовало серьёзного осмысления, был заложен ряд НИИ, отдельных лабораторий, банков информации и даже университетов, посвящённых глубокому изучению истоков любви и всевозможных её проявлений.

Занятия любовью поощрялись и пропагандировались, как внутри семей, так и вне их. Любовь была объявлена свободной, и правилом хорошего тона стало иметь любовницу для мужа и любовника для жены, причём, открыто и без ограничений. По принципу подмены качества количеством, когда не хватает фантазии, те, кто побогаче принялись заводить себе по несколько любовниц/любовников сразу. Для тех же, кто не мог позволить себе такую роскошь, на каждом шагу открывались бордели, в которых работали, как девушки, так и юноши. Труд этот был объявлен почётным. Искусство любви начинали преподавать уже в старших классах школ, и царю Андрею пришлось вмешаться, чтобы та же участь не постигла младшие классы и детские сады.

Как естественный результат любви рождённой красотой, следующим шагом охвативших страну перемен стали дети. Прежде всего, их стало принято считать общими, даже в том случае, когда в отцовстве никто не сомневался. Впрочем, при новых порядках это условие было разумным. Затем было объявлено, что детям теперь принадлежит самое лучшее. Знать и богачи под пение и смех радостно покидали свои дворцы и селились в палатках, поставленных в полях и лугах, чтобы в освобождённых роскошных покоях устроить ясли, сады, школы, детские клубы, гимназии и учреждения для развлечения. Детям полагалось бесплатное питание до достижения совершеннолетия. Детей защищало множество законов, среди которых едва ли не большинство были абсурдными, бессмысленными или просто странными.

Теперь родители не смели поднять на своих чад руку, даже если речь шла о спасении последних от неминуемой гибели. Учителя, в свою очередь и мысли не допускали о том, чтобы сделать замечание касательно отвратительной успеваемости или безобразного, либо идиотичного поведения своих учеников, опасаясь тяжёлых репрессий со стороны власти заботящейся о благополучии последних. За любое подобное действие провинившегося ждала суровая кара. Покушение на жизнь и здоровье, (в том числе душевное), милых деток было приравнено к государственной измене.

А что сильнее калечит неокрепшую детскую душу, как ни чрезмерно раннее приобщение к «взрослой» жизни? Ясно, что такое недопустимо, а значит, ребёнка требуется всячески оградить от пагубного воздействия.

Едва сие новое поветрие дохнуло над царством, где правил Андрей, как на уровне министерств были приняты решения о запрете показа детям того, что относилось к «разврату и порнографии». И не беда, что никто не мог наверняка сказать, что такое разврат и что представляет из себя порнография. Главное, чтобы закон «держал и не пушал»!

Прежде всего, запретили всяческое изображение обнажённой женской натуры, дабы не раздражать воображение мальчиков и не подавать плохой пример девочкам. Само собой разумеется, что вчерашних поборников красоты обязали носить сначала глухую закрытую одежду, затем издали запрет на женские брюки, (они ведь выдают страшную тайну, что у женщин имеются ноги, между которыми... Цензура! Цензура!!!), а юбки предписывалось делать длиной до самой земли, чтобы заодно наводить чистоту на тротуарах.

Следующему запрету подверглись волосы – их требовалось убирать под платок и/или чепец. Потом решили, что открытые лица, это и есть порнография. В ход пошли вуали всех мастей, которые становились всё гуще и гуще, превратились в паранджи, но и этого тоже оказалось недостаточно. Тогда на женщин надели печные заслонки, а чтобы женщины могли видеть куда идти, заслонки снабдили перископами. Руки тоже оказались под запретом, особенно изящные и красивые. Чтобы скрыть эту порнографию сперва применялись перчатки, но они тоже были признаны развратными, а потому их заменили широкими негнушимися рукавицами, напоминающими клешни, полностью скрывающими величину и форму этой части тела. Несмотря на то, что ног, скрытых юбками выполненными в форме чугунных фартуков от трамваев и скребков бульдозеров, всё равно не было видно, их тоже решили скрыть на всякий случай. (А вдруг кто-то увидит оставленные на песке, земле или где-то ещё, следы, и поймёт, что

они принадлежат... Порнография! Порнография!!!) Чтобы этого не было, разработали специальную обувь для женщин – помесь лаптей и валенок, доходящих до бёдер. Теперь следы, которые оставляли дамы не могли послужить пагубному развращению детей, да и взрослых тоже.

По улицам двигались странные существа, напоминающие ожившие кучи серых тряпок, с чугунными лицами и перископами торчавшими на макушке. Они ползли медленно, с трудом переставляя ноги, а когда хотели что-то взять или просто схватиться за перила, то протягивали страшные клешни без пальцев, от которых хотелось бежать, схватившись за голову! Последним штрихом было введение для женщин преобразователей голоса, превращавших человеческие звуки в рёв простывшего трактора.

В то же самое время бордели закрылись. Тот аргумент, что никто и никогда не пускал туда детей, потонул в море возмущённых воплей о необходимости выжечь гнёзда разврата! В бывших храмах посвящённых Богине любви пели анафему любви и красоте, как источникам всех бедствий, представляющих чудовищную опасность для детей. В школах и вузах больше не преподавали искусство любви, а стали опровергать её существование вообще и распространять информацию о том, что родители извлекают детей из капустных кочанов, купленных на рынке.

Разврат был побеждён, порнография уничтожена. Правда имелись и побочные явления реформ проводимых в государстве.

Так, ещё в период прославления обнажённой красоты по стране прокатилась волна самоубийств среди женских портных и ювелиров. Но впоследствии эта беда себя изжила. Оставшиеся в живых портные азартно принялись шить для женщин дерюгу, а ювелиры освоили производство лицевых заслонок, перископов и преобразователей голоса.

Когда детей признавали общими, то некоторая часть отцов попыталась поднять восстание, но оно было подавлено силами армии и полиции с применением танков и боевых вертолётчиков. Мятежники были частично уничтожены, а те, кто попал в плен, осуждены, как государственные преступники и приговорены к казни, либо отправлены в лагеря на поселения без права переписки. Дети, отказавшиеся отречься от отцов, в свою очередь были признаны умственно отсталыми и заключены в соответствующие медицинские учреждения.

Пришлось позатыкать рты разным поборникам «здорового смысла», которые выступали то против культа Богини любви, то против преобразования в бордели кружков кройки и шитья или спортивных секций, то против преподавания в школах эротики, как предмета. Тюрем и лагеря пополнились ещё раз.

Но вскоре государственные застенки приняли новых узников. На сей раз ими были родители и учителя, провинившиеся перед детьми. Трёпка за украденные сигареты, внушение за неделанные уроки, за невымытую посуду и неприбранную комнату, отправляли родителей за решётку, где они встречались с учителями, поставившими двойку за диктант, в котором в трёх строчках текста насчитывалось до тридцати ошибок, или просто назвавших юного идиота идиотом. На этом фоне деяния самих учеников, давно уже сидевших задрюкав ноги на парту, оставались незамеченными.

Итак, реформы победили. Победили, несмотря на то, что женщины, закрыв за собой двери, сбрасывали ненавистные заслонки, лапти и перископы. Победили, несмотря на то, что бордели на самом деле никуда не исчезли, а просто повесили обратно таблички с надписями, говорящими о том, что здесь де спортивная секция, кружок кройки и шитья или что-то в этом роде. А чтобы их не разоблачили сразу же, они заручились поддержкой уголовников и полиции, платя дань и тем, и другим. Правда, теперь, лишившись государственного и прежде всего медицинского контроля, они *действительно* превратились в гнёзда разврата и рассадники болезней.

Реформы победили, несмотря на то, что любящие дети продолжали называть своих отцов – «папа», а те из них, которые родились с мозгом в голове, объективно принимали во внимание критику родителей и учителей, и продолжали учиться.

Реформы победили, и главным их результатом были тюрьмы, буквально набитые заключёнными. Туда сейчас во множестве поступали те, кто ещё тайком отправлял культ Богини любви и отказывался признавать, что детей находят в капусте. Они садились рядом со вчерашними поборниками «здорового смысла», клеймившими недавно и вышеозначенную Богиню и всё что связано с любовью и красотой. То, что сегодня политика государства полностью совпадала с их убеждениями, значения не имело, так-как закон не имел обратного действия, а на момент их осуждения расклад был таков, что карались преступления против любви. Короче – виновен или не виновен, сел, значит досиживай!

На этой почве пышным цветом расцвели органы защиты закона. Были отстроены настоящие дворцы, по которым толпами ходили люди в мундирах увешенных орденами за поимку преступных отцов или женщин не пожелавших носить на лицах заслонки. Там же можно было встретить судей, головы которых непросто было разглядеть среди складок мантий, хоть сами они частенько едва помещались под этими чёрными мешками от полноты судейского рвения.

И в каждом таком дворце была установлена статуя – женщина в глухой предписанной законом одежде, с заслонкой на лице, но без перископа, так-как от рождения она была слепая. В клешнях, заменявших этой калеке руки, были зажаты символы правосудия – крысоловка и мясорубка!

.....

Царь Андрей грустил. Нормальный человек не может взирать на безумие творящееся у него на глазах. Сперва, он вмешивался на каждом шагу в нелепости, творящиеся в государстве, где он стал царём, едва попав в этот мир. Останавливал безумства, исправлял железной рукой нелепости и глупости, кого-то спасал, кого-то карал за превышение полномочий и за откровенные преступления прикрывавшиеся политическими принципами. Но затем он понял, что просто не успевает.

Подхватив его идею и ничего из нее, не поняв, но тут же вывернув всё наизнанку, люди царства-государства начали творить такое!.. При этом, его, повелителя, надежду государя и отца народа, прославляли за мудрость, приписывая ему все «достижения», которые наворотили сами.

В конце концов, он устал исправлять всю эту глупость и заперся во дворце, где были приняты порядки начала его царствования. Здесь сбылись все его мечты, начавшиеся ещё в подростковом возрасте. Он был по уши в девушках, смотревших на него с восхищением! После долгих, (как ему казалось), лет без любви, у него её было столько, сколько он хотел, сколько мог осилить и даже ещё больше.

Но это всё было не то. Девушки были прелестны, а их чувства к нему вовсе не были исключительным раболепством наложниц по отношению к повелителю. Он был молод и силён, а ещё ласков и предупредителен с ними, не признавал ни грубости, ни насилия и никогда не требовал чего-либо унижающего или причиняющего боль. В общем, он купался в наслаждении и дарил его тем, с кем делил ложе любви, но... Но среди них не было Они!

Андрей не чувствовал себя изменником. Да, теперь у него была связь со многими девушками, но между ним и Они не было никаких взаимных обязательств, а значит, и изменять было нечему. Собственно, чувство, которое он испытывал к этой девушке с золотыми глазами и рожками на голове, только начиналось, и вовсе не факт, что у него было бы продолжение. Практика показывала, что, скорее всего Они повыпендривалась бы перед ним и исчезла бы, как это делали другие, а может быть закрутила бы с Елизаром. Андрей не единожды видел, как девушки, с негодованием фыркавшие от сальных шуточек второго пилота, в скором времени с восторгом бежали к нему и терпели любое обращение, даже когда он о них откровенно вытирал ноги.

Так что они с Они не обязаны были соблюдать друг другу верность, но всё же... Андрею крайне неприятно было думать, что Они может быть с кем-то другим. Он скучал по ней. Про-

водя время с какой-нибудь из своих девушек, или с несколькими сразу, он часто представлял рядом её, Они. И мечтал...

Мечтал о том, как было бы здорово, если бы она была здесь, с ним, если бы она блистала среди дворцовых красавиц, как бриллиант среди жемчуга! А если бы она потребовала быть единственной в его жизни, то он немедленно исполнил бы это её желание, ведь, несмотря на всё хорошее отношение к своим наложницам, ни одну из них он не любил...

– Ваше величество!

Подошедший сановник раболепно согнул спину, между тем, как справа и слева послышался звук натягиваемых луков. (Согласно какой-то местной традиции дворцовая стража здесь была вооружена средневековым оружием, хотя технический уровень мира в котором находилось царство, был ничуть не ниже того, откуда Андрей был родом.)

– Что вам, министр? – спросил повелитель, отпуская девушек и выпрямляясь на троне.

– Ваше величество! – повторил придворный. – К вам парламентская делегация. Прикажете принять?

– Пускай войдут! – разрешил царь Андрей, а сам вдруг почувствовал себя неловко.

Ему почему-то вдруг стало не по себе, от того что эти снобы увидят его девочек обнажёнными. Сами девчонки привыкли гордиться своей красотой, и не прятать её за фиговыми листьями. И всё же Андрею захотелось, чтобы сейчас они были одеты. Может отправить их во внутренние покои?

Но было поздно что-либо менять – парламентская делегация уже входила в тронный зал, как таран, разрезая собой толпу придворных. Они подошли почему-то все одетые в чёрное, и, приблизившись к подножию трона, остановились. Лица суровые, решительные, видимо случилось что-то серьёзное.

– Ваше величество! – начал глава делегации, сухой длинный старик с неулыбчивым постылым лицом. – От имени парламента и народа мы имеем честь объявить вам, что ваша власть низложена, а сами вы будете арестованы и преданы суду, как источник разврата, подрывающий основы общественной морали и самой государственности.

Вот так! А ведь это они год назад слёзно просили его принять власть и утверждали, что любые решения «Его величества» будут считаться священными. В верности клялись... Ещё бы им тогда было не клясться! Страну раздирали гражданская война, тиран, сидевший вот на этом самом троне, принимал замечательные решения, вроде уничтожения части «лишних ртов» среди населения или разорения собственных земель на пути наступления неприятеля, чтобы сделать эти земли непривлекательными для завоевания.

Когда Андрей переместился в этот мир, то нечаянно застал тирана на охоте. Тот воспринял фигуру, закутанную в странный плащ, как убийцу, покушающегося на его особу, и отдал приказ охране стрелять. Андрей, не остывший ещё после боёв с фашистами, ответил очередью из трофейного автомата, и царский трон оказался свободен. Почему парламент и Двор пригласили занять этот трон именно его – убийцу предыдущего государя, он так и не смог понять ни тогда, ни после.

Сейчас он мог отдать приказ, и девочки перестреляли бы этих парламентариев, как куропаток. Но он встал, приказал своей охране и наложницам удалиться, после чего, не говоря парламентской делегации ни слова, повернулся к ним спиной и шагнул прочь из мира, в котором только что царствовал...

Глава 23.

– Дяденька Сай, а ты, правда, человек?

Крошечная нэко была так мила и непосредственна, что не могла не вызвать улыбку. Она была на пару лет старше Мики, которая первой встретила его в этом мире, и слова выговаривала правильно, но зато была о-очень разговорчива! Настоящая почемучка.

– Правда, Мурики, я самый настоящий человек! – ответил господин Сай, как можно мягче.

Глаза крохи, огромные янтарные, стали ещё больше, но она не убежала в ужасе, как это делали некоторые другие дети, а продолжила расспрашивать «страшного человека»:

– Но как же ты можешь быть человеком, ведь ты такой добрый?

Старик поднял ребёнка и посадил себе на колени. Такое можно было проделать мало с кем из котят, но Мурика была ребёнком особенным. Ей, похоже, был совсем неведом страх.

– А мама говорила, что все люди злые, что они убивают нэко ради забавы, и что их всех надо бояться! – поведала малютка, пока Сай собирался с мыслями.

– Я не злой человек, – ответил он. – По крайней мере, стараюсь не быть злым. Не все люди злые, детка, но опасаться надо всех!

– А тебя нужно, э-э, описать? – спросила Мурика.

– Нет, – улыбнулся старик, – меня можешь не бояться, ведь ты меня теперь знаешь и понимаешь, что я не сделаю тебе зла. Но других людей ты не знаешь. Они могут притвориться добрыми, чтобы сделать зло. Поэтому человека надо сначала узнать, прежде чем подходить к нему.

– А как же его узнать, если не подходить?

Вопросы Мурики могли поставить в тупик. В самом деле, как? Господин Сай хотел заступиться за свою расу, довести до здешних нэко, что среди людей встречаются не только корыстные и бессовестные мерзавцы, но теперь он понимал, что, внушая котяткам эту мысль, он оказывает им медвежью услугу. Люди коварны, люди умеют обманывать и притворяться друзьями, а потом бить в спину. Так они поступают даже друг с другом, что уж говорить о нэко, которых здесь считают существами низшего порядка и делают с ними всё что захотят?

Он всё узнал от мамы Мурики, Мики и других котят, обитающих на дереве, которых никак не мог сосчитать. Прекрасная и грозная Миста всерьёз приняла его за охотника за котятками и собиралась убить. Потом, когда она разглядела господина Сая получше, то поняла что ошиблась. Прежде всего, он был слишком стар для охотника. Потом, у него не было с собой никакого оружия и снаряжения, да и одет он был совершенно неподходяще для охоты.

Когда Миста занесла над горлом старика сильную руку с острыми когтями, он зажмурился, не делая попыток сбежать или сопротивляться. Охотники так не поступали, а потому Миста промедлила. Потом, взглядевшись в того кто стоял перед ней на коленях, она опустила руку и стала рассматривать его сначала требовательно и грозно, а затем мягче, с любопытством и даже с участием.

Когда господин Сай понял, что его не убивают, он рассказал ей всё, как есть, и, как ни странно, мама-нэко поверила! Поверила сразу и безоговорочно. Просто она умела читать в душах, как все опытные кошки, которые способны видеть злую ауру, даже если подлинные намерения скрываются за лживой улыбкой.

Смягчившаяся Миста отвела господина Сая внутрь дерева. Оказалось, что гигантский ствол весь изъеден дуплами, в которых устроены удобные гнёзда-спальни, кладовые, хозяйственные помещения и даже отхожие места. Каким-то чудом сюда наверх подавалась вода, а дерево давало вкусные плоды похожие на орехи, которые вопреки хищной природе нэко составляли их основной рацион. (Вторым источником питания здесь были жирные личинки

толщиной с руку, но за ними приходилось подниматься на самый верх дерева, что запрещалось котяткам, не достигшим двенадцати лет, а таких здесь было подавляющее большинство. Птицы были редким лакомством, праздничным деликатесом. Их была способна ловить только мать семейства.) Из орехов после перетирания в ручной мельнице можно было готовить разные блюда, от простой каши до удивительно вкусной выпечки.

Именно кашу с булкой Сай и получил, как только оказался внутри дерева. Миста ошибочно угадала, что этот человек голоден.

– Простите, что так неласково встретила вас, господин! – с лёгкой усмешкой сказала хозяйка, когда гость насытился. – У народа нэко с людьми свои недобрые счёты. До нас непросто добратся, но уж если людям это удаётся, значит пришла беда!

– Что же люди такого плохого делают, когда добираются сюда? – спросил Сай, заинтересовавшись её словами.

– Взрослых убивают, котят забирают, – поведала Миста, нервно пожав плечами. – Нэко очень ценятся у людей в качестве рабов. Мальчики, как слуги, а иногда телохранители. Девочки чаще всего попадают в бордели, но случается их воспитывают вместе со своими детьми, как домашних питомцев или держат для развлечения. Я думаю, вы понимаете, какого рода эти развлечения?

Господин Сай всё понимал. В его мире нэко были сказкой, светлыми милыми созданиями, частенько помогавшими положительным героям легенд и преданий. Надо было быть законченным негодяем, чтобы обидеть нэко. Здесь было всё не так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.